

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

13077

№ 1668.

ЗАПИСКИ

и

ЗАМѢЧАНІЯ

О С И Б И Р И

Сочиненіе

159880.Ыой.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СТАРИННЫХЪ РУССКИХЪ ПѢСЕНЪ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1837.

Im. 13077

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по оппечатаиіи представлены были въ
Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Октября
13 дня 1855 года.

Ценсоръ *М. Каченовскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ книгѣ авторъ не можетъ выразить себя; но какого-бы рода ни была она, всегда забрасываетъ онъ въ нее, мимоходомъ, самъ не замѣчая того, нѣсколько искръ своего нравственнаго бытія, какъ природа вкрѣпляетъ въ простой камень нѣсколько драгоценныхъ, свѣтлыхъ блесковъ, окружавшихъ его, когда онъ скрывался еще въ темныхъ нѣдрахъ земли. Чпѣ путь существенности? Само-ли вещество, получившее блескъ и цѣнность отъ постороннихъ окропленій, или онъ, эти сроднившіяся съ нимъ и уже безразлично соспавляющія его частицы, копорыхъ блескъ напоминаетъ что-то высшее проспыхъ образованій земли? Не знаю. Но невольно пробуждались во мнѣ эти мысли, когда чпалъ

*

я *Записки и Замѣчанія о Сибири*... Въ самомъ дѣлѣ спрашно, что при такомъ предметѣ, гдѣ чипапелъ вправѣ ожидать только замѣчаній Географическихъ, Спашиспическихъ и Эпнографическихъ, онъ меньше всего найдетъ ихъ, и вѣрно будетъ благодарить за эшо милую сочинительницу. Въ нашъ псевдонимическій вѣкъ не рѣдкость вспрѣпить книгу, гдѣ спраннымъ имени автора или даже чепко напечатанное имя женщины-сочинительницы не введетъ въ заблужденіе никого. Но въ предлагаемой чипапелю книгѣ, онъ, послѣ нѣсколькихъ спраницъ, убѣдился, что ее писала женщина, и даже не свѣпская, не имѣющая никакихъ припязаній на авторство. Скажу больше: я имѣлъ порученіе дополнишь и даже переправить эшу книгу, но я не сдѣлалъ эшого, и она передъ глазами чипапелеля въ шомъ видѣ, въ какомъ вышла изъ-подъ пера сочинительницы. Чшо прибавили-бы для достоинства сочиненія ея нѣсколько мершвыхъ числъ, нѣсколько лишнихъ подробностей? Но еще меньше нужны были всѣ передѣлки, оглаживанья, вспавки, исключенія, для пошлыхъ лишпешатурныхъ приличій. Я думаю и надѣюсь, чипапелели согласяпся со мною, что именно простота описаній, искренность подробностей и поэзія патриархальной жизни спаринной Сибири составляютъ испинную прелестъ эшой книги. Изъкоторыя спраницы, на примѣръ описаніе сва-

дебныхъ обрядовъ, гаданій, ворожбы, стариннаго быта, представляющъ такую поэзію, какой не найдемъ у многихъ нынѣшнихъ поэтовъ. И эпосъ только-же въ самомъ предметѣ, сколько въ формѣ, какъ онъ описанъ. Холодный умъ, свѣпскій взглядъ, малѣйшая изысканность и, если можно сказать, манерность испортили бы пусть все. По эпосу-то, сохраняя описанія сочинительницы во всей полнотѣ, я не приводилъ въ порядокъ замѣчаній ея и даже не исключалъ поворотовъ. Не система, а просподушіе, сила чувствъ и прелесть предмета составляютъ достоинство эпическаго сочиненія.

Для незнающихъ хорошо Сибирскаго быта замѣчу, что, можетъ быть, нигдѣ, кромѣ Сѣверной Россіи, не сохранилась такъ старая Русь, какъ въ Сибири. Не удивительно: первыми переселенцами въ нее были жители сѣверныхъ областей Россіи, куда не достигала ни Татарская племя, ни Польская степь, ни Французскій вѣкъ знаменитаго Людовика XIV.

Въ концѣ приложено собраніе старинныхъ пѣсенъ, которое оплчается вѣрностью списковъ и конечно будетъ оцѣнено знапоками.

К. П.

ЗАПИСКИ И ЗАМѢЧАНІЯ

СИБИРИ,

Съ удовольствіемъ слышу я, что многіе образованные люди пишутъ о разныхъ частяхъ Сибири. Чтобы описать всю Сибирь, ея произведенія, народы, населяющіе ее, ихъ обряды, преданія, надобно посвящать на это жизнь свою. Я буду напрощивъ говорить только о томъ, что видѣла, и не съ тѣмъ, чтобы попасть въ число писательницъ. Мнѣ пріятно вспомнить о той странѣ, гдѣ прошли лѣта моей молодости. Я жила въ Сибири около двадцати лѣтъ.

Сибирью называютъ пространство, заключающее въ себѣ четыре губерніи: Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую. Къ Иркут-

ской губерніи причисляются Якушская и Камчатская области. Прежде причисляли къ ней и Пермскую губернію; да и въ самомъ дѣлѣ Пермская губернія сходствуешь болѣе съ Сибирью, нежели съ Россією; но я собственно буду говорить объ Иркутской губерніи.

Въ Иркутскѣ полагають около шестнадцати тысячъ жителей. Чиновники, купцы, мѣщане и цеховые составляютъ его народонаселеніе.

Въ Иркутской губерніи нѣтъ помѣщичьихъ крестьянъ. Мѣстоположеніе города Иркутска прелестно, особливо когда подъѣзжаешь къ нему изъ Россіи. Лѣтомъ надобно переѣзжать Ангара на карбазъ (такъ называютъ тамъ плоскодонное судно, въ родѣ барки). Ангара вытекаетъ изъ озера Байкала, верстъ за шестидесятъ отъ Иркутска. Она соединяется близъ города съ Иркутомъ и обтекаетъ Иркутскъ. Это прекрасная судоходная рѣка; вода въ ней чистая, дно каменистое; въ Иркутѣ дно песчанно-глинистое, вода гораздо теплѣе, и при соединеніи этихъ рѣкъ, каждая сохраняетъ свой цвѣтъ; въ Ангартъ вода свѣтлая, прозрачная, отъ глубины кажется синяго цвѣта, а въ Иркутѣ отъ глинистой почвы дна вода мутная, красноватаго цвѣта. Иркутъ выше; онъ спланировался и вскрывается прежде Ангарты, которая очень быстра, спланировался въ Декабрѣ и вскрывается въ Мартѣ. За рѣкой виденъ обширный лугъ,

а вдали Вознесенскій монастырь, въ копоромъ
 мощи перваго Епископа Иркутскаго Иннокен-
 тія. Каждый изъ жителей города нѣсколько
 разъ въ годъ идетъ шуда помолишься угоднику.
 Монастырь хорошо выспроенъ и богато укра-
 шенъ. Въ немъ шри церкви каменныя и одна де-
 ревянная, въ кошорой служилъ Иннокентій и
 гдѣ прежде лежали мощи его. Въ 1805 году они
 перенесены въ Вознесенскую церковь и положе-
 ны въ великолѣпную серебряную раку. Церкви
 украшены серебряными вызолоченными иконами;
 кельи каменныя. Далѣе по берегу возвышающіяся
 горы, одѣшныя зелентющимся лѣсомъ, при подо-
 швѣ копорыхъ разбросаны деревни.

Жители Иркутска почти всѣ бръюшъ боро-
 ду и спригупъ волосы, не носяшъ Русскихъ
 кафпановъ, и даже чернѣй народъ носишъ лѣ-
 шомъ халапы, а зимою шулупы, крышые кипай-
 кою или нанкою; лѣшомъ круглыя шляпы и
 каршузы, а зимою шапки и мѣховыя каршузы.
 Оплчишельный нарядъ женщинъ нисшихъ сосло-
 вѣй—покрывало, кошорое онѣ называютъ *накид-*
кою. Накидки бываюшъ обыкновенно сипщевыя; но-
 сяшъ и *канаватныя*, съ золопомъ. Прежде были
 накидки канаватиныя рублей по спу; и шеперь

многія за спыдъ пачыпаюць выйдти изъ дому безъ наики. Обыкновенную одежду женщинъ изъ простаго народа соспавляютъ: рубашки съ широкими рукавами и узенькими запястьями (у пожилыхъ женщинъ бываетъ у рубашекъ высокій воротъ и широкій воротникъ), юпка и душегрѣйка или шушунъ. Шушуны бываютъ различныхъ покрововъ. Голову повязываютъ плащкомъ. Прежде всѣ купчихи носили юпки и кофты, а на головахъ плапки; плапки были парчевыя, глазеповыя, пшканые, съ золопыми коймами, шипыя золопомъ, бишью, канипелью; бывали плапки по спу пшпидесяти рублей; дома носили въ доспашочныхъ и бѣдныхъ домахъ бумажныя вязаныя калпаки. Нынѣ всѣ молодыя женщины, купчихи, одѣвающія почно пакъ-же какъ и въ сполницѣ. Кто прїѣдетъ прямо изъ Москвы или Петербурга, шопъ мало замѣшптъ разницы въ одеждѣ; за шо его слухъ жеспоко поспрадаешъ опъ шамошняго выговора. Въ богатыхъ купеческихъ домахъ женщины съ давнихъ временъ подражали споличнымъ модамъ, и нигдѣ болѣе, я думаю, не сохранились наряды прабабушекъ. Въ маскардахъ вспрѣчаешъ роброны, фуры, на головахъ кораблики; мужчинъ видишъ въ спаршпныхъ Французскихъ кашанахъ. На женскіе наряды упошребляли прежде шпофъ Французскій, Кпшайскій, шпофъ по саржирону. Въ другомъ мѣстѣ я упошану о разныхъ нарядахъ,

и названіяхъ разныхъ маперій, копорыхъ имена скоро исчезнухъ.

Вообще во всей Сибири живутъ очень чисто. Полы въ домахъ не крашеные, исключая немногіе дома; но ихъ пакъ чисто моюхъ, чпо они кажущя даже палевыми. Вымывши полъ, спешлюхъ холспины, сшитыя во всю комнату, настигиваюхъ ихъ и приколачиваюхъ гвоздями, а сверху постилаюхъ ковры, или песпрыя, узкія, полосатыя холспины, копорыя бываюхъ пакже бѣлыя холщевыя, клѣпчатыя, полосатыя, шканыя пополамъ съ шерстью. Это издѣлія крестьямокъ шамошнихъ; онѣ красяхъ пряжу и шерсть въ разные цвѣта правами, иногда пакъ хорошо, чпо шкань не линяехъ. Конечно, все это въ грубомъ видѣ; но замѣчу, чпо если - бы кпо взялся испытать правы, по, кажется, можно-бъ имѣхъ изъ нихъ хорошія краски. Начиная съ комнату, вездѣ найдете чистошу: въ кухню, въ погребъ, въ бань, и даже до шакого излишества, чпо моюхъ дома снаружи.

Въ Иркутскомъ уѣздѣ хлѣбъ вообще родится хорошо. Въ доказательство скажу, чпо въ обыкновенные урожайные годы цѣна ржаной муки опъ сорока до шестидесяти копѣекъ. Землю никогда не удобряюхъ, но по доспапочному количеству оставляюхъ на годъ или на два. Всѣхъ родовъ хлѣбъ родится шамъ хорошо, какъ-шо: рожь, пшеница, овесъ, ячмень, грѣиха, про-

со, копорого сѣюпъ мало; пшеницы озимой не сѣюпъ; конопли родяпся хорошо, а льну сѣюпъ мало: онъ не всегда хорошо родипся. Холсты дѣлаюпъ изъ носкони. Подгороднія крестьянки прядупъ изъ пеньки много самыхъ тонкихъ веревочекъ, копорыя называюпъ *мотузь*; его много расходипся для вязанья бѣлки и для неводоу и сѣпей. Овоци родяпся изобильно, какъ-то: коршфель, свекла, морковь, рѣпа, рѣдка, лукъ, пуспарнакъ, непрушка, селлерей, укропъ, чаберъ, шалфей, мята, зоря, салапъ разныхъ родовъ; дыни и арбузы садыпъ въ парникахъ; огурцы родяпся, но не въ пшакѣ изобилии, какъ въ Россіи; пыквы родяпся довольно хорошо. Около города садыпъ шабакъ и хмѣль; они хорошо родяпся. Поля и лѣса покрыпы цвѣтами. Нѣкопорые назову я, какъ называюпъ ихъ въ Сибири: *Сарана* разныхъ родовъ. Эшо родъ лилей; имѣепъ луковичный корень, копорый Буряпы упопребляюпъ въ пищу, особливо за Байкаломъ; они осенью роюпъ его, загопоявля на зиму, и варяпъ изъ него родъ каши; увѣряюпъ, что эшо довольно вкусная пища. Полевой макъ, аспры, гвоздика, колокольчики, *жаркіе цвѣтки*, *кукушкины сапожки*, *мютихъ синій* и бѣлый, множесшво другихъ цвѣпоу; еспъ много бальзамическихъ и полезныхъ правъ, особливо около Байкала. Тамъ еспъ правы очень сильныя, и если ихъ много упопребляпъ, то онъ

вредны; шаковы: брунецъ, •воронецъ, черногривъ, дикій перецъ и множество другихъ. Лѣса состоятъ изъ слѣдующихъ родовъ деревь: сосна, липшвяница, береза, ольха, пихта, осина, кедръ, шополь, черемуха, калина, рябина, дикая яблонь, ива, боярышникъ; нѣтъ липы, дубу, вязу и фруктовыхъ деревьевъ. Кустарники: шиповникъ, шаволожникъ (или таволга), багульникъ, •дикій розмаринъ, золотарникъ. Около Байкала и близъ селенія Тунки распесть можжевельникъ двухъ родовъ. Ягоды: смородина черная и красная, малина, клубника, земляника, голубица, черница, княженика, коспяника; около Байкала есть морошка; брусники очень много, особливо по хребту горъ, окружающихъ Байкалъ; клюквы мало. Съ Лены привозятъ ягоду, копорой я нигдѣ не видала, кромѣ Иркутска: это обльпиха; цвѣтомъ она оранжевая, величиною съ барбарисъ, и коспочки ея похожи на барбарисовыя. Пышались разводить плодовицыя деревья; привозили, на примѣръ, изъ Россіи яблонныя и грушевыя; они принялись, цвѣли, но не было плодовъ; прививали къ дикимъ яблонямъ, но не было успѣха. Впрочемъ, для охотника есть возможность имѣть плодовицыя деревья въ групповыхъ сараяхъ. Барбарисъ и крыжовникъ хопя росли, но плодовъ не было.

По лѣсамъ много разныхъ родовъ грибовъ, груздей и рыжиковъ.

Въ безконечныхъ лѣсахъ Иркутской Губерніи водятся разные звѣри, какъ то: медвѣди, волки, соболи, лисицы, росомахи, бѣлки, векши, лешяги, барсуки, хорьки, кропы, зайцы, кролики, ласпочки, бурундуки, дикія козы, кабаны и кабарга. Изъ пшицъ: глухіе шеперева, обыкновенные шеперева, рябчики, кулики, дикіе голуби, кукушки, курапашки, драхвы; около рѣкъ и озеръ разныхъ родовъ ушки, крохали, шурпаны, гагары, рыболовки, гуси, лебеди, журавли, цапли; изъ хищныхъ пшицъ: разныхъ родовъ яспребы, коршуны; изъ пѣвчихъ: синицы, снигири, клещи, шурь, зяблицы, малиновки, ласпочки, чечёшки; изъ мѣлкихъ обыкновенныхъ: плишки, сприжи, воробьи; есць совы и филины; много воронъ и сорокъ.

Домашній скопъ, пакъ же, какъ и вездѣ въ Россіи, соспавляютъ: коровы, овцы, козы, свиньи, лошади. Рогатый скопъ пригоняютъ болѣе изъ Красноярска. Буряты имѣютъ большія стада, но скопъ ихъ мѣлокъ и не шучень. У Бурятъ Забайкальскихъ скопъ лучше, но его шрудно доставлять въ Иркутскъ; зимой иногда привозятъ опъ нихъ говядину шущами. Дворовыя пшицы: куры, ушки, гуси, индѣйки; послѣднихъ мало водящъ. Рѣки изобилуютъ рыбой; въ нихъ есць: шаймени, сиги, лини, окуни, харіузы, щуки, караси, пискари, язи, сороки, налимы; но главное продовольствіе Иркутска и его уѣздовъ соспа-

вляють омул. Эта рыба родъ сельдей и видомъ на нихъ похожа; она очень вкусна, особенно къ ней привыкъ. Главный ловъ ея въ Августѣ. Переправясь черезъ Байкаль, къ рѣкѣ Селенгѣ, кошорая впадаетъ въ Байкаль, промышленники являюся съ запасомъ бочекъ и соли, а женщины для чищенья рыбы. Чешуи съ нея не счищаютъ, а только расплапываютъ самую рыбу, вынимаютъ изъ нея внутренность и отдѣляютъ икру, копорую солятъ и кладутъ въ мѣшки и кадушки. Омули, копорые ловятся позже, называются *котцовыми*; они не такъ вкусны, но икра ихъ очень вкусна. Еще ловятъ омулей зимою, въ селеніи Бугульдейхъ; попому и называются они *Бугульдейскими*; ихъ продаютъ зимою. Изъ Томска привозятъ зимою много свѣжей рыбы, какъ то: осетровъ, стерлядей, *нельмы* (бѣлорыбицы), муксуновъ. Но я еще обращусь къ омулямъ, эдимъ сельдямъ Иркутскимъ. Всѣ жипели, богашые и бѣдные, любятъ ихъ, и когда привозятся первые омули и икра, то всѣ идутъ на берегъ *покупать омулей и икры свѣжаго засолу*. А какъ вездѣ большую часть народонаселенія составляютъ люди небогатые, то бѣдныхъ болѣе нежели богатыхъ идетъ покупать омулей и икры. Мужчины, женщины, дѣти несутъ омуль или два и икры копѣйки на двѣ, въ капустномъ листѣ. Я еще помню, что лѣтъ

придцать пять шому назадъ, бочка омулей продавалась по принадацши рублей; въ бочкѣ обыкновенно бываетъ тысяча или не много больше; но лѣтъ за пятнадцать цѣна возвысилась до шеспидесяши рублей. Изъ Баргузина и Олхона привозятъ юколу и порсу; первая болѣе дѣлается изъ щукъ и сеговъ. Изъ сеговъ дѣлаютъ ее слѣдующимъ образомъ: цѣную рыбу, расплававши, надрѣзываютъ поперекъ и вялятъ на солнцѣ; щуку только расплавываютъ и вялятъ. Порсу дѣлаютъ изъ окуней и другой мѣлкой рыбы, шо естъ сушатъ рыбу кусками, вмѣстѣ съ икрой. Порсу употребляютъ въ поспы для щей, какъ снядки въ Россіи. Еще привозятъ, хопя въ небольшомъ количествѣ, изъ Томска, небольшую рыбку муксуны, сушеную, копорую болѣе подаютъ на закуску. Когда привозятъ зимою изъ Томска осепровъ, шо всякій, кшо можетъ, заготовляетъ эту рыбу въ прокъ дома, а соленой хорошей рѣдко можно доспать въ рыбномъ ряду. Лѣтомъ привозятъ живыхъ осепровъ, но они не дешевы, и пошому эшимъ могутъ пользоваться только люди богашые.

Судя по шому, чшо я говорила о произведеніяхъ Иркутска и его уѣздовъ, не лзя назватъ эшихъ мѣстъ голодными; тамъ естъ все нужное, кромѣ предметовъ роскоши; нѣтъ ананасовъ, апельсиновъ и другихъ фруктовъ; нѣтъ яблоковъ и

даже вишенъ; но это не составляетъ народна-
го продовольствія. Иной, живши и въ Россіи,
сроду не ѣлъ апельсиновъ, абрикосовъ. Также до-
вольно дороги въ Иркутскъ вещи, привозныя
изъ Россіи, попому что дорого сподить про-
возъ; но человекъ домашочный можетъ имѣть
все: варенье, обсахаренныя плоды, сухіе фрук-
ты, вина; даже шампанское и ромъ въ Иркут-
скъ не рѣдкость, но все это очень дорого. За
то есть много вещей, копорыя довольно деше-
вы, особливо все нужное для домашняго про-
довольствія. Въ урожайные годы мука ржаная
отъ 40 до 70 копѣекъ за пудъ; пшеничная хо-
рошая отъ 1-го рубля 60 коп. до 2-хъ рублей;
говядина отъ 2-хъ до 3-хъ рублей за пудъ;
масло коровье отъ 16 до 20-ти рублей; коно-
пляное 30 коп. за фунтъ; масло изъ кедровыхъ
орѣховъ рубль фунтъ; крупа ячменная отъ
двухъ съ половиною до трехъ рубл. пудъ; возъ
сѣна отъ пяти до восьми рублей; сажень
дровъ однополѣнныхъ, лучшихъ березовыхъ 5 р.,
сосновыхъ 2 р. 50 коп. и шри рубли.
Овесъ продаютъ не чепверстями, но мѣшками;
мѣшокъ, въ копоромъ около трехъ чепвериковъ,
сподитъ 2 или 3 рубли. Овощи продаютъ так-
же мѣшками; мѣшокъ, слишкомъ два чепверика
каршофелю, 8 гривенъ и рубль, свѣклы и мор-
кови 7 и 8 гривенъ, рѣпы 40 и 50 копѣекъ;
капусты сошныя 4 рубли. Масло коровье, коно-

пьяное и орѣховое продаются *безмѣнами*; безмѣнъ соспавляетъ два фунта съ половиною.

Каждый народъ прискиваетъ въ произведеніяхъ своей земли не только нужныя вещи, но и лакомства, свойственныя мѣсту его жительства. Проспой народъ въ Иркутскѣ весной лакомится *сосновымъ сокомъ*. Вы спросите, что это такое? Весной женщины, которыя этимъ промышленяютъ, идутъ въ лѣсъ, счищаютъ кору съ сосновыхъ деревьевъ, и тонкою проволокою сдираютъ находящіяся подъ корою пластны, толщиной въ карпузную бумагу, вершковъ въ шесть длины и вершка 3 ширины; это называютъ *сокомъ*. Многія продаютъ его рубли на при въ день. Его носятъ по улицамъ женщины и кричатъ: кому надо соку? Услышавъ этого призывъ, дѣти бѣгутъ покупать сокъ, да и взрослые всѣ ѣдятъ его, говоря, что онъ здоровъ. Другое лакомство проспояго народа: *выжимки изъ кедровыхъ орѣховъ*. Когда дѣлаютъ масло, остатки эти называютъ *избойной*, продаютъ ихъ фунтами, или дѣлаютъ маленькія лепешечки, и продаютъ по копейкѣ, иногда и дороже. Сухую черемуху мѣлютъ мѣлко, обвариваютъ кипячкомъ, прибавляютъ сахару или меду и пекутъ съ этой начинкою пирогъ; это очень вкусно. Еще есть лакомство или лучше сказать забава: берутъ смолу съ липняницы, кладутъ ее въ горшокъ и спавяютъ

въ легкій жаръ на нѣсколько часовъ; вынувши, просушиваютъ и продаютъ кусками или лепешками. Приготовленную такимъ образомъ, называютъ ее *строю* и жуютъ, наиболѣе женщины почти всѣхъ сословій; но въ хорошихъ домахъ спыдяпсы *жевать*, особливо при поспороннихъ. Хотя это не слишкомъ хорошая привычка, но въ Индіи также любятъ жевать бешель, а въ Испаніи курятъ сигары. Вездѣ свои обычаи!

Въ Иркутскѣ два госпинныхъ двора наполнены разными поварами. Тутъ есть все, начиная отъ предметовъ роскоши, до самыхъ грубыхъ издѣлій; но нѣтъ никакого раздѣленія лавокъ, какъ въ Россіи. Въ одной лавкѣ найдете вы сукно, шелковыя матеріи, холстъ, чай, сахаръ и разные мѣлочи. Кромѣ этихъ рядовъ есть лавки, гдѣ прежде былъ базаръ, который переведенъ въ другое мѣсто и обнесенъ заборомъ. На базарѣ продаютъ крупу, орѣхи, бруснику, калачи, разныхъ сорповъ булки, ржаной хлѣбъ, сусло, вареное съ брусникой и черемухой, разные припасы. Въ Иркутскѣ нѣтъ овощныхъ лавокъ въ домахъ. Тутъ-же на базарѣ есть родъ лавочекъ, которыя называютъ балаганами, и въ нихъ продаютъ свѣчи, мыло, сѣру горючую и лиспвяничную (копорую жуютъ) и разные мѣлочи. Зимой женщины продаютъ молоко замороженое. Я нигдѣ, кромѣ Иркутска, не видала, чпобы

★

продавали молоко *кругами* и *кусками*. Многие говорятъ, когда рассказываешь объ этомъ, что мороженое молоко не хорошо для употребленія; напрошивъ, я нахожу это достойнымъ подражанія. Вотъ какъ это дѣлается: зимою, когда есть лишнее молоко, которое хотѣя сберечь, выливаютъ парное въ чистую каспрюлю, кладутъ въ него чистую лучинку и выставляютъ на морозъ. Черезъ нѣсколько часовъ оно замерзаетъ; тогда вносятъ его въ печь, даютъ не много опшавъ и за лучину вынимаютъ изъ каспрюли; потомъ опносятъ опивъ на холодъ и кладутъ въ чистую кадунку, которую закрываютъ, чтобъ молоко не выприлось. Когда нужно употребить, приносятъ его и распяваютъ. Не только молоко, но и сливки можно сохранять такимъ образомъ болѣе мѣсяца.

Иркутскъ можно почесть средоточіемъ и складочнымъ мѣстомъ Сибирской торговли. Все товары, идущіе изъ Россіи, проходятъ черезъ Иркутскъ въ Кяхту, Якутскъ, Охотскъ, Камчатку. Изъ Россіи идутъ для Кяхты сукна, мерлушки, кошка, Нѣмецкіе бобры, корсакъ, юфть, сафьянъ, козлы; также издѣлія нашихъ фабрикъ: шапелъ, плетъ, зеркала, красные ко-

раллы, которые Кипайцы и Русские купцы называютъ *маржанъ*. Изъ пушныхъ поваровъ, которые доставляютъ Сибирь, промѣниваются Кипайцамъ: бѣлка, лисица, низкіе соболи, хорьки; бобры и выдры идутъ черезъ Американскую Компанію. Опъ Кипайцевъ получаютъ: чай разныхъ сорповъ, какъ-то байховый, черный, сквозникъ, цвѣпочный разныхъ сорповъ, зеленый и кирпичный, сахаръ леденецъ, часъ кипайки, дабы, канчи, фанзы, чанчи, флеръ, урубки, небольшое количество фарфору и деревянной, крышой лакомъ посуды, разные сухіе фрукты, виноградъ, плоды, табакъ курительный. Есть еще много поваровъ, промѣниваемыхъ опъ Русскихъ купцовъ и вымѣниваемыхъ опъ Кипайцевъ; но, я не упоминаю обо всемъ подробно, ибо не смѣю взять на себя описывать такой важный предметъ. Если-бы кто изъ господъ поргующихъ взять на себя трудъ описать нашу торговлю съ Кипайцами, это было-бы весьма любопытно.

Въ Якутскѣ отправляютъ повары, получаемые изъ Россіи, также разныхъ сорповъ чай, сахаръ леденецъ, ромъ и разныя вина, муку ржаную и пшеничную, сухари, пряники, крупу, свѣчи восковыя, масло коровье и деревянное, табакъ, мыло, свѣчи сальные. Оппуда вывозятъ бѣлку, соболей, разныхъ родовъ лисицъ, медвѣдей, песцовъ бѣлыхъ и голубыхъ, мамонтовую

кость. Часъ поваровъ идетъ въ Охотскъ, въ Камчатку, въ Ижигинскъ, въ Зашиверскъ и другія мѣста; ошпуда получающа пѣ же пушные шовары, о которыхъ упомянуто выше, кромѣ мѣлочей, вывозимыхъ болѣе каждымъ для себя, каковы напримѣръ перчатки разныя, очень хорошо вышитыя; изъ Камчатки и Ижиги чулки *ровдужные, парки, камлейки, унты* *, нипки изъ жилъ и моржовые клыки. Изъ Енисейска получающъ бѣлку и небольшое количество другихъ пушныхъ поваровъ, также холстъ, унты, рукавицы, нипки, калпаки бумажные, вязаные чулки. Изъ всѣхъ шоваровъ, проходящихъ черезъ Иркутскъ, оспавляютъ нужное количество для города, а прочіе ошправляютъ въ уѣздные города. Если чего не лѣзя имѣть въ Иркутскъ, то эшо свѣжихъ плодовъ; все другое можно достать. Есть много предметовъ промышленноспи, копорые совѣтъ другимъ образомъ производяся нежели въ Россіи. Народъ привыкъ къ эшому порядку вещей; напримѣръ, въ Иркутскѣ нѣтъ мучныхъ лавокъ; всякій покупаетъ въ торговые дни, на рынкѣ, муку ржаную, пшеничную, крупу, овесъ; многіе заготовляютъ все эшо въ годъ, а кщо не въ сосноянніи, тѣ покупающъ по немногу. Есть хлѣбные казенные магазины, изъ копорыхъ для бѣдныхъ ошпуска-

* Мягкіе сапоги изъ шкуръ дикихъ козъ, мѣхомъ внутри.

юшъ муку по пуду на семейство, дешевле базарной цѣны. Въ мясныхъ рядахъ, кромѣ говядины, можно купить всегда языки, спудень и проч., но баранины продаюшъ очень мало, шеляпины нѣтъ; а если кому нужно, то покупаюшъ шеленка и дома буюшъ. Нѣтъ пшичныхъ лавокъ, и если кому нужно, то берушъ пшичу въ домахъ; у всякаго, кто живешъ домомъ, ешъ дворовая пшича. На зиму, въ послѣднихъ числахъ Ноября, а иногда и раньше, смотря какова осень, буюшъ гусей, утокъ, куръ, индѣекъ, и вычиспивши, обмеденяюшъ каждую пшичу порознь, складываюшъ въ кадки и засыпаюшъ снѣгомъ. Такъ какъ зима бываешъ поспоянная, то пшича сберегаешся до Апрѣля и далѣе. Свинину и поросятъ всегда можно купить на рынкѣ; ветчины не продаюшъ на рынкахъ, а всякій заготовляешъ ее дома; иногда можно и купить въ домахъ. Погребовъ зеленыхъ нѣтъ; все нужное заготовляюшъ съ осени; нѣтъ булочниковъ и нигдѣ не пекушъ кренделей и хлѣбовъ, такъ называемыхъ Французскихъ. На рынкѣ продаюшъ калачи *обварные* и просшья булки, ржаной и пшеничный хлѣбъ; но по большей части пекушъ все это дома. Разнощиковъ нѣтъ никакихъ, кромѣ что весной и лѣтомъ женщины продаюшъ лукъ, редьку, сокъ сосновый, о копоромъ я упоминала, и ягоды. Носятъ иногда каршофельную муку, которая шамъ

превосходной доброты, масло конопляное, ореховое, и ореховую избойну. Въ Иркутскѣ также нѣтъ модныхъ магазиновъ. Кажется, что смѣшная модистка могла бы тамъ нажиться порядочно. Кондиторскихъ и прачшниковъ тоже нѣтъ. Меня, когда я прѣехала въ Россію, изумило множество вывѣсокъ, хотя я прежде и знала о нихъ.

Лѣтъ тридцать назадъ въ Иркутскѣ вели жизнь патриархальную. Хозяйки сами занимались хозяйствомъ; въ семьяхъ, гдѣ были женатые братья, невестки ходили поочередно въ кухню, смотрѣли за приготовленіемъ кушанья, а дѣвицы разливали чай; весь домъ и хозяйство завѣдывали сами хозяйки. При сватаньи за дѣвицу никогда не спрашивали денегъ и приданого; всякій давалъ по своему состоянію; не было *рядныхъ*, и если кто просилъ денегъ, то такой женихъ получалъ отказъ; говорили, что *хочетъ жениться на деньгахъ*; и поному женихи искали только, чтобы невеста была хороша лицомъ, хорошаго характера и была-бы *хозяйка*. Дѣвицъ съ малыхъ лѣтъ прѣучали къ хозяйству. Въ дворянскихъ домахъ все заготовлялось въ *прокъ, годовое*: мука, разная крупа, сѣмя конопляное, орехи кедровые, брусника, масло коровье; на зиму заготовляли солонину, капусту многими манерами, огурцы, грузди, рыжики, обварные грибы, варенье разное, овощи, коренья; къ лѣту

пригопояляли вепчину, рыбу, языки, говядину провѣсную. Во многихъ домахъ макали свѣчи, два раза въ годъ: осенью и въ Маршѣ; дѣлали свой солодъ; посылали слѣжущихъ за дровами, за вѣниками; загопояляли на годъ дресву, по есшъ крупный песокъ: это вещь необходимая въ опряжномъ Иркутскомъ хозяйствѣ; ее доспаюшъ на кость, или лучше сказать на Ангарской опмѣли, прошивъ города, или у Пешрушиной горы; шамъ копаюшъ ее и промываюшъ въ водѣ.

Купцы занимающіе торговлею въ Кяхтѣ, ѣздятъ въ Якутскъ, Охотскъ и на ярмарки Нижегородскую, Ирбицкую и Ононскую. Съ Сентября ѣдушъ купцы сами, а нѣкоторые оппояляютъ прикащиковъ, въ Тунку, въ Баргузинѣ, въ Илимскѣ, въ Нижнеудинскѣ и въ Верхнеудинскѣ за покупкою бѣлки и пушныхъ поваровъ. Въ Ноябрь начинаютъ прѣзжаніе съ поварами и тогда-же прѣзжаютъ Бурапы изъ Тунки, Каменки и Балаганска съ пушными поварами. Князьки ихъ привозятъ довольно большія паршіи; къ нимъ ѣздятъ на кварширы смотрѣшь бѣлку и другіе повары; просшые звѣроловы, у которыхъ небольшія паршіи, возятъ въ саняхъ и носятъ по домамъ бѣлку, медвѣдей, соболей, волковъ, лисицъ и спрую кабарожью.

Осенью и зимою въ купеческихъ домахъ вспаюшъ очень рано; чай пьюшъ со свѣчами, пощому что съ разсвѣтомъ дня начинающіе дѣла. Бу-

ряпы спараются припши когда еще чуть начинаеть свѣшпашъ, но всѣ знаютъ ихъ уловку, и обыкновенно заспавляютъ дожидаться совершеннаго разсвѣша; тогда смонряптъ поваръ и поргуются. Когда куплено довольное число бѣлки и другихъ поваровъ, то ихъ раздѣляютъ на сорпы; бѣлку вяжутъ въ бунты, по двадцати бѣлокъ; эшимъ занимаються многіе жишели, шакъ чпо бѣлковязаніе соспавляетъ особенное ремесло. Иногда въ одномъ купеческомъ домѣ вяжутъ бѣлку человекъ 10, 15 и 20. Они работаютъ всегда на хозяйскомъ хлѣбѣ, и ихъ кормятъ хорошо, поятъ чаемъ, а передъ обѣдомъ, ужиномъ и завшпракомъ даютъ имъ по рюмкѣ водки. Связавши бѣлку, шпючатъ въ шюки и опшправляютъ въ Кяхту, въ Москву или на ярмарки Ирбишскую и Нижегородскую. Лучшая бѣлка почитается Баргузинская, Тункинская подгородняя и Якушская; за тѣмъ слѣдуютъ Енисейская и Ленская. Соболи почитаются лучшіе Баргузинскіе, Нерчинскіе и Вишмискіе; они имѣютъ высокій волосъ и чернѣе, но скоро опцвѣшаютъ; Камчатскіе не такъ черны, но не такъ скоро и опцвѣшаютъ. Соболя сорпируютъ и разбираютъ на сѣроки; сѣроки дѣлятся на полусѣроки; связка изъ двадцати соболей кладется въ кипящій мѣшокъ, длиною прошивъ величины соболя, шириною вершковъ въ восемь; эши такъ называемыя сорочки дѣлаются обыкновенно изъ нелю-

щеной синей кипайки. Лисицы разбираются на десяпки. Лучшие соболи опираются въ Россію; Кишайцамъ промѣниваютъ низкіе соболи и шо въ небольшомъ количествѣ.

Въ Иркутской губерніи одна казенная фабрика: Тельминская суконная и при ней хрустальная. На нихъ работаютъ ссыльные; она въ хорошемъ устройствѣ. Часпные заводы еспъ кожевенные, мыловаренные, свѣчные. Ремесла, копорыми занимаются жители, не въ лучшемъ состояніи, пошому болѣе, что люди богатые спараются все нужное для себя выписывать изъ Москвы и Пешербурга; однакожъ еспъ хорошіе ремесленники, какъ-шо: серебряники, мѣдники, кузнецы, споляры, скорняки, поршпные, сапожники, башмачники, плошники. Эпо я говорю о свободныхъ ремесленникахъ; но въ Иркутскѣ еспъ еще *рабочій домъ*, гдѣ находипся опредѣленный комплексъ ремесленниковъ изъ ссылочныхъ. Тамъ можно найдши почти всякихъ мастеровъ; даже еспъ часовщики и живописцы. По прошествіи положенныхъ лѣтъ, пѣ рабочие, копорые ведутъ себя хорошо, получаютъ дозволеніе селиться, и они уже населили шакъ называемую Борисоглѣбскую слободу, копорая составляетъ предмѣстіе города, близъ рабочаго дома.

Многіе изъ жителей мясники; изъ нихъ еспъ люди богатые; шакже много рыбаковъ, и они изъ роду въ родъ передаютъ свое занятіе; оп-

купають рыбныя ловли и аршелями ловящъ рыбу; зимою продають ее въ рыбномъ ряду, а лѣтомъ на берегу, куда приплавливаютъ ее въ лодкахъ. Есть ремесленники, копорые принадлежатъ тамошнему краю исключительно: это ширяльщики и звѣровщики. Первые ширятъ въ кожи шовары, ошнравляемые въ Охотскъ и Якутскъ; вторые промышляютъ бѣлку, соболей, лисицъ и прочихъ звѣрей. Они уходящъ въ лѣса, по нѣскольку человѣкъ, въ извѣстные имъ мѣста, болѣе около Байкала; тамъ у нихъ построены избы, и шуда забирають они съ собой нужное количество хлѣба и другихъ припасовъ, берутъ собакъ, и живутъ мѣсяца по два; уходящъ въ первыхъ числахъ Сентября, а приходятъ въ Ноябрь. Собаки у нихъ простой породы, но очень злы; они берутъ ихъ главное для спереженія. Звѣрей ловятъ *кляпцами* или *спрѣляютъ*. Нѣкоторые крестьяне *спрѣляютъ* дикихъ козъ, также ловятъ *лленками* или *смыками* шницъ, спавящъ *кляпцы* на зайцевъ; но преимущественно этимъ занимаются Буряты. Многія женщины пекутъ сухари для Якутска, Охотска и Камчатки, ржаные и пшеничные двухъ соршовъ: простые и сдобные. Эти сухари не то, что разумють подъ названіемъ ихъ въ Россіи; это изъ пшеничнаго теста испеченныя, самыя маленькія булочки, копорыя высушиваютъ для того, чтобы онѣ не поршились; ржа-

ные сухари бываютъ равными рѣзаными кусками. Крестьяне, живущіе по берегамъ Иркутска и Ангара, занимаются рубкою лѣса и дровъ. Весь лѣсъ, употребляемый на постройку домовъ, плавишся по Ангарѣ и Иркутску; но главныя лѣсныя ярмарки бываютъ 8 и 20 чиселъ Іюля; особенно первая есть маленькій праздникъ или, лучше сказать, развлеченіе для жишелей. Кромѣ лѣса приплавляютъ на плотахъ вилы, грабли, лопаты, лукошки, плетенныя и просмо сшипыя изъ бересты; также шуязки (такъ называютъ шамъ бураки, копорые употребляютъ въ Россіи для икры и меду). Ихъ дѣлаютъ очень искусно и разной величины, опъ спакана до двухъ ведеръ; въ нихъ держатъ воду, квасъ, молоко, ягоды. Кпо изъ Иркутскихъ, бывши ребенкомъ, не восхищался шуязками? Для дѣшей дѣлаютъ ихъ писенные и съ рѣзбою, подъ копорую подкладываютъ цвѣтныя лоскупыя и сверху покрываютъ слюдою. Еще привозятъ на плотахъ мохъ, копорымъ конопашатъ дома при постройкѣ. Лѣтъ сорокъ назадъ всѣ дома спроились самымъ спариннымъ манеромъ. Обыкновенно дворъ обносили высокимъ заборомъ, чпдъ въ Иркутскъ называютъ *заплотъ*; большія ворота были заперты засовомъ и опширались шолько для проѣзда экипажей; для пѣшеходовъ была сдѣлана калипка, у калипки задвижка, къ копорой привязывался ремешекъ. Если ремешекъ былъ продѣтъ на

улицу, по можно было поднятъ задвижку и опворипъ воропа, а если выдернутъ, по надобно было спучапъ; для этого придыльвалось большое желѣзное кольцо, а подъ кольцомъ желѣзная-же бляха, чшобъ слышнѣе было, когда спучапъ. Передній дворъ вымощенъ бывалъ досками. Домы были высокіе и спроились въ два жилья: въ верху горницы, а нижнюю половину занимала кухня, кошорую называютъ шамъ подкльтъ, и кладовая, по шамошнему подвалъ. Если домъ былъ въ одно жилье, по низъ занимало подполье, родъ сухаго погреба, и подвалъ. Крыльцо дѣлали высокое, внизу обнесенное рѣшешкою, съ дверцами; на крыльцѣ были устроены лавочки; сѣни большія поже со скамейками кругомъ спѣнъ и съ двумя окнами. Лѣшомъ въ сѣняхъ обѣдали и ужинали. Посреди сѣней была дверь въ чуланъ, а позади чулана ходъ на верхъ. Въ иныхъ домахъ были мезонины, кошорые называютъ въ Иркутскѣ чердакъ; они были по большой часши холодные. Горницы раздѣлялись сѣнями на двѣ половины; ихъ обыкновенно называли задняя и передняя; передняя на улицу, а задняя во дворъ. Изъ сѣней входили прямо въ горницу; шамъ на правой споронѣ изразчатая печь съ вычурами. Въ переднемъ углу спавили образа; передъ образами висѣли лампы съ восковыми свѣчами. Подъ ними въ углу спавили споль, крашеный го-

лубой, зеленый, или красный, съ бѣлыми краями; кругомъ были скамьи, копорыя послѣ замѣнили софами (обитыми кожей) и спульями. Комната обыкновенно раздѣлялась на двое; за перегородкой была спальня и стоялъ шкафъ съ посудой. Въ заднихъ комнапахъ помѣщались дѣти; иногда спарики хозяева успунали переднюю горницу женатымъ сыновьямъ, а сами жили въ задней. Трудно повѣришь, сколько помѣщалось людей въ двухъ, прехъ комнапахъ. Можно сказать, что гдѣ нынче пѣсно чепыремъ челоуѣкамъ, шамъ въ спарину жили десяшь челоуѣкъ, и были здоровы и веселы. Если не было кухни внизу, то она была выспроена во дворъ, и тогда называли ее *зимовьемъ*. Жизнь была также паптріархальна, какъ и убранство комнашь. Въ просые дни, вспавши до свѣта, разумѣется зимой, всѣ пили чай; мужчины зимой съ разсвѣпомъ, если семейство было большое. Послѣ этого, въ купеческихъ семействахъ, одни оставались дома, а другіе шли въ госпінный дворъ; но прежде завпракали, потому что рѣдко приходили зимою обѣдать, а если и приходили, то поздно. Обѣдъ въ просые дни, когда случалось много дѣла, былъ въ два часа; послѣ обѣда опять занимались всякій своимъ дѣломъ; часа въ чепыре пили чай, а часовъ въ восемь или девяшь ужинали. Послѣ ужина женщины и особливо дѣвицы сидѣли и шили. Гдѣ въ семействѣ было нѣ-

сколько дѣвицъ и женщинъ, шамъ всѣ шили сами бѣлье, плашье и разныя домашнія мѣлочи. Женщины въ Иркутскѣ большія масперяцы шипъ бѣлье, и щеголяли эцимъ одна передъ другою. Нигдѣ, я думаю, шакъ хорошо не спегають одѣяль разными манерами; но въ домахъ доспапочныхъ не спегали дорогихъ одѣяль; на то были особенныя масперяцы и брали прежде рублей 30 или 40 за одѣяло; нынче эша работа спойтъ рублей спо или болѣе. Дѣвицы особенно занимались разными рукодѣльями: вышивали шелками, золопомъ, фольгой, въ шамбуръ и гладью; вышивали разными узорами попошенцы; но главное занятіе было хозяйсво. Въ большихъ семейсвахъ, какъ я уже сказала, ходили поочередно въ кухню; но въ праздники или именины шамъ забояились всѣ, Каждое Воскресенье ходили къ заупрени и къ обѣдни. Обѣдь въ праздники былъ рано. Послѣ обѣда спарики опдыхали, а люди молодые ѣхали кашапсья или въ госпи. Даже въ богатыхъ домахъ вся прислуга соспомя изъ двухъ или шрехъ женщинъ эпо были кухарка, горничная и при дѣшяхъ нянька. При шаконъ чиспопъ и порядкѣ, какой наблюдался во всѣхъ домахъ, не мудрено, что хозяйкамъ много было дѣла. Они не знали экономокъ и сами занимались выдачею всего. Ни въ одномъ домѣ купеческомъ не было лакеевъ; должносшь ихъ исправляли мальчики, кошорыхъ

оплачивали родители или родственники для на-
 выка къ пороговъ. Такой мальчикъ, исправляя
 разныя порученія хозяевъ, долженъ былъ при-
 служивать и въ домъ; это продолжалось два,
 три года. Если онъ оказывался вѣрнымъ и рас-
 порочнымъ, то ему поручали уже дѣла большей
 важности, а мѣсто его занимали другіе. Для
 черныхъ работъ имѣли работниковъ, которые
 исправляли и должностъ кучера. Когда бывали
 при домѣ дворникъ или два, ихъ называли *ка-
 раульщиками*. Они стерегли домъ поочередно,
 днемъ и ночью. Зимой почти въ каждомъ домѣ
 жили въ работникахъ Буряты. Они приходили
 въ городъ осенью и жили до Мая; тогда опять
 уходили въ свои улусы. Они привыкли жить
 въ Русскихъ домахъ и всегда исправляли, какъ
 не лѣзя лучше, домашнія работы: вѣзали за дро-
 вами, рубили ихъ, возили воду, смолѣли за ско-
 помъ.

Около Иркутска множество лѣсу, и потому,
 лишь едва становилась зимняя дорога, мно-
 гіе посылали работниковъ за дровами въ лѣсъ.
 Каждый день онъ долженъ былъ вспасть часа
 въ три пополуночи и ѣхать на двухъ или трехъ
 лошадяхъ. При трехъ лошадяхъ отправлялись
 двое, а на одной или двухъ одинъ, и вѣзали
 верстъ за 10 отъ города, или много за пятнад-
 цать; къ двумъ часамъ возвращались съ дровами.
 Когда много было навезено дровъ, то весной нани-

мали Буряпъ рубишь ихъ. У кого были двѣ лошади, пѣ могли въ зиму заготовишь такимъ образомъ сажень 20 дровъ. Иногда весной нанимали Буряпъ рубишь дрова въ лѣсу, и для этого назначали имъ удобное мѣсто верстъ за 15 или за 20 отъ города; они рубили дрова и клали полусаженями. Зимой перевозили дрова на своихъ лошадяхъ или нанимали крѣстьянъ перевезти ихъ. Случалось, хопя рѣдко, что половину такой заготовки крали охотники до чужаго.

Зимою живутъ въ городѣ много Буряпъ. Они пашь ошправляютъ ремесло маклеровъ или сводчиковъ. Многіе, сами перекупая у своихъ поваръ,носяпъ его по домамъ, а обыкновенно принесупъ шовару рублей на сто, и придепъ ихъ человекъ пашь; но это болѣе все подгородные и бѣдные; зажиточные изъ нихъ занимались скошоводствомъ и многіе землѣпашествомъ. Они доставляютъ большое количество сѣна; также ихъ промыселъ деревянная посуда. Они привозятъ чашки деревянные, корытѣ разной величины и ложки, которые называютъ въ Иркутскѣ *стѣяльницами*.

Живущіе около Байкала привозятъ рыбу, орѣхи кедровые, ягоды (бруснику) и дичину. Женщины ихъ хорошо выдѣлываютъ овчины и шьютъ шубы; такъ что многіе Русскіе ошдаютъ выдѣлывать и шить ихъ. Они также покупаютъ всякую вещь изъ стараго платья, особливо лоскутѣя

шелковые и суконные, а послѣ опвозяшъ ихъ въ свои улусы. Женщины ихъ носяшъ на шеѣ корольки разныхъ цвѣповъ; поясъ ихъ убранъ разными бляхами изъ олова, а у богатыхъ изъ серебра.

Живущіе около Балаганска привозяшъ масло коровье; но его должно переплаиваѣть для употребленія, пошому что они наливаюшъ его въ кожаные мѣшки и пузыри (которые называюшъ *чалманами*), и опъ того оно имѣѣтъ дурной запахъ. Князьки ихъ называюшся *тайшами*; другіе чиновные люди *зайсанами* и *шуленгами*. Много есѣ богатыхъ. Всѣ они утверждаюшся въ чинахъ и званіяхъ Правительствомъ и имѣюшъ кортики, но носяшъ свое плащѣ.

Довольно странно видѣѣть ихъ на балахъ у начальниковъ въ ихъ шпофныхъ и бархатныхъ плащяхъ, съ ихъ Азіяшской фізіономіей.

Имянины праздновали въ Иркутскѣ обыкновенно вопъ какимъ образомъ: упромъ пекли множество пироговъ, сдобныхъ, изъ проспаго пѣспа, съ вареньемъ, изюмомъ, черносливомъ, винными ягодами, съ пшеномъ сарочинскимъ, капустой, морковью и другими начинками. Пироги разсылались къ родственикамъ по шри и по чепыре пирога; гдѣ были маленькія дѣпи, по клали маленькіе пироги по числу дѣпей. Разносили и развозили ихъ женщины. Вошедши въ комнапу, женщина молилась Богу, кланялась хозяевамъ, и поставивъ пироги на столъ, просила

★

пишъ чай къ имяниннику или обѣдашъ, какъ было приказано; попомъ опшправлялась въ другой домъ. У кого было много родни, шѣ разсылали нѣсколько женщинъ съ пирогами. Знакомыхъ звали безъ опсылки пироговъ. Вечеромъ, когда прѣзжали госпи, подавали вина, попомъ кофе (хотя и не во время) и чай; къ чаю подавали женщинамъ каждой шарелку съ разнымъ пирожнымъ. Въ комнашѣ, гдѣ сидѣли госпи, споялъ споль, успавленный вареньями и фрукшами; мужчинамъ подавали послѣ чаю, вина и пуншъ. Они говорили о шорговлѣ, о вновь полученныхъ извѣспіяхъ, о шомъ, чпо пишупшъ въ газешахъ, копорыя многими получаюшся. Иногда вечеръ оканчивался панцами и ужиномъ, но никогда не видно было каршъ.

Лѣшъ за придцашъ, свадьбы опшправляли въ Иркутскѣ со многими обрядами. Какъ у бѣдныхъ, шакъ и у богатыхъ, сначала опецъ и мапъ совѣшовались между собою; попомъ призывали жениха, объявляли какую невѣспу назначаюшъ ему, и если она ему нравилась, шпо собирали ближнихъ родспивенниковъ и совѣшовались съ ними; но эшо былъ уже шолько обрядъ, гдѣ объявляли, чпо намѣрены женишъ сына. Тогда изъ среды родныхъ назначали одного, кого по-

чипали способнымъ къ переговорамъ. Если назначаемая невѣста не нравилась, то женихъ могъ самъ избирать, только съ согласія родителей. Можетъ быть, не много мѣстъ въ Россіи, гдѣ браки пакъ безприспрасны. Со стороны родителей и самого жениха почипали главнымъ, чпобъ невѣста была хороша собою и кропкаго характера, и чпобы семейство ея было извѣстно съ хорошей стороны. Обыкновенно говорили: «Лучше взять безъ приданаго, но добраго роду.» Дочери сварливой женщины — могли спокойно сидѣть въ дѣвкахъ, попому чпо о нихъ говаривали: *«яблоко не далеко падаетъ отъ яблонки.»* Хорошей рекомендаціей почипалось и то, когда спаршая сеспра, вышедши за мужъ, была хорошая хозяйка и почпипельна къ спаршимъ въ семействѣ. Я упомянула уже, чпо о приданомъ никогда не рядились; всякій давалъ по своему соспоянію. Много естъ пословиць къ эпому случаю, копорыхъ я не слыхала нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. Напримѣръ: *«Платье на грядкѣ, уродъ на рукѣ. Не съ высокими жить хоромами, не съ частыми переходами, а жить съ человеткомъ. Не жени сына на тещѣ, не отдавай дочери за свекра. Жена не скрыпка, на спичку не повѣсишь.»* Последняя клонилась къ пому, чпобъ мужъ могъ содержать жену. Дѣвиць можно было видѣть у обѣдии, на сговорахъ, или у знакомыхъ; но никогда не дѣлали

смотрѣвъ, какъ ведется во многихъ мѣстахъ Россіи. Почли-бы за обиду, если-бъ кто предложилъ такую невѣжливоспѣ. Иногда дѣлалось это, но *инкогнито*, т. е. приглашали невѣстпу куда нибудь къ знакомымъ въ госпѣ, гдѣ былъ женихъ; однако родители и невѣста не знали этого. Когда предварительно было все улажено, то сватѣ отпраплялся въ домъ невѣспы и дѣлалъ предложеніе. Обыкновенно съ одного раза не рѣшались, а просили *дать время подумать* и посовѣщиваться съ родными; это дѣлалось даже и въ такомъ случаѣ, когда не намѣрены были выдавать; считали невѣжливоспѣю отказать съ перваго раза. Если-же почиали союзъ приличнымъ, то приглашали ближнихъ родственниковъ, и посовѣщавшись съ ними, назначали день *рукобитья*. Прежде никогда не спрашивали согласія невѣспы: она должна была повиноваться слѣпо волѣ родителей; теперь это уже вывелось. Въ назначенный день прѣзжалъ сватѣ. Обрядъ рукобитья состоялъ въ томъ, что зажигали свѣчи у образовъ, молились Богу, и отецъ и мать, или шопѣ, кто заступалъ ихъ мѣсто, давали руку свату и пили за здоровье помолвленныхъ. Женихъ и невѣста не бывали при этомъ обрядѣ. На другой день прѣзжалъ сватѣ, и назначали день сговора; до тѣхъ поръ помолвленные не могли видѣться. Въ день сговора родители, женихъ, сватѣ и ближ-

ніе родспвенники прїѣзжали въ домъ невѣспы. Невѣспа, одѣшая какъ можно лучше, сидѣла, окруженная подругами, въ особенной комнапѣ. На сговоръ звали не только родныхъ, но и знакомыхъ. Въ другой комнапѣ спавили споль, покрывали его скапершью, и вокругъ убирали лентами, копорыя опускали фесфонами; по угламъ прикалывали баншы. Весь споль успаляли конфекпами и вареньями, копорыхъ иногда спавили до сорока парелокъ; у бѣдныхъ спавили орѣхи, пряники, ягоды. Невѣспу выводили—прежде близкая родспвенница, а нынче опецъ или мапѣ. Она здоровалась съ прїѣзжими женщинами и спановилась на свое мѣсно. Тупъ подходилъ къ ней женихъ и здоровался; попомъ подходили прїѣхавшіе съ нимъ мужчины; попомъ женихъ дарилъ невѣспу, а она жениха; наконецъ онъ бралъ за руку невѣспу, и садились за споль. Прїѣхавшіе съ женихомъ госпи садились поже за споль: женщины по правую, а мужчины по лѣвую руку; дѣвицы начинали пѣшь пѣсни. Сначала пѣли пѣсню жениху съ невѣспою, попомъ госпамъ по спаршинспву; между пѣмъ подавали вина, кофе, чай, пуншъ. Когда были пропѣты всѣмъ прїѣзжимъ госпамъ пѣсни, то одна изъ дѣвицъ спавила на споль шарелку или поднось, на копорый каждый изъ прїѣзжихъ гостей клалъ деньги: въ богашыхъ домахъ золопья, серебряныя и ассигнаціи, а у бѣдныхъ мѣдныя. Про

сваха пѣли особенную пѣсню, въ копорой его бранили. Посидѣвши часа два, госпи собирались домой; ихъ удерживали. Когда всѣмъ госпямъ пропѣшы пѣни, по. пѣли про невѣспу. Послѣ опѣзда жениха начинали танцоваць; иногда женихъ съ молодыми мужчинами прѣзжалъ танцоваць на другой день. По упру онъ присылаѣ невѣспѣ чаю, сахару и конфекшовъ, а вечеромъ являлся со свапомъ и нѣсколькими изъ родспвенниковъ; шупъ назначали день свадьбы. Между пѣмъ женихъ ѣздилъ къ невѣспѣ, дарилъ ее разными вещами, а дѣвицамъ привозилъ конфекшовъ. Когда онъ пѣли пѣсни, по обыкновенно давали имъ деньги. Рѣдко онъ прѣзжалъ одинъ; почти всегда съ нимъ являлись молодые мужчины. У невѣспы госпили подруги, и шупъ-по холоспые высмапривали невѣспѣ. Пѣсни пѣли обыкновенно дѣвушки и женщины, копорыя до самого времени свадьбы шили ей приданое и прислуживали. Дѣвицы дѣлили между собою собранныя деньги, и иногда сборъ ихъ проспирался до 200 рублей. Дни за два до свадьбы невѣспѣ съ пѣснями расплешали косу и дѣвицѣ дарили баншами изъ ленпѣ. Въ эпопѣ день водили ее въ баню. Наканунѣ свапбы вечеръ назывался дѣвичьимъ вечеромъ или дѣвичникомъ. Прѣзжалъ женихъ съ *тысяцкимъ*, свахою и боярами. *Тысяцкій* обыкновенно былъ человекъ жешашый и почешный, близкій; родспвенникъ, или

человѣкъ уважаемый въ семействѣ. Бояръ было простое или четверо; двое изъ нихъ назывались *малые бояре*, или *меньшіе*; это по-же, что нынче шаферы. Сваха была близкая родственница или корешкая знакомая. Въ дѣвичникъ опять сажались за столъ и пѣли пѣсни. Но шутъ садилась уже и невѣстѣ сваха, которую выбирали изъ родныхъ. Въ дѣвичникъ посѣщеніе было не продолжительно. По отъѣздѣ жениха, невѣсту усаживали за столъ вмѣстѣ съ подругами; дѣвицы пѣли пѣсни. Въ это время пріѣзжали двое меньшихъ бояръ и привозили ларецъ и шуапель. Тогда пѣли пѣсню. Боярамъ подносили вина и дарили ихъ, смотря по сословію невѣсты, жилешами, перчатками, шелковыми чулками, или плашками. Ларецъ или коробка по-же, что въ Парижѣ свадебная корзинка. Тамъ, по сословію жениха, были болѣе или менѣе дорогія вещи; но обыкновенно находились: серьги, персень, перчатки, ленты, бѣлила, румяна, мыло, гребень, булавки, шпильки, помада, духи, вѣеръ, гребенка, цѣпочки, плашки ручные и одна или двѣ пары чулковъ и башмаковъ, изъ которыхъ въ каждый клали по соболу. Приданое невѣсты обыкновенно отправляли по утру въ день свадьбы. Когда все было готово, то обыкновенно присаживались и помошь молились Богу, благословляли невѣсту образомъ, который описывали съ приданымъ, и ославляли

полюшко шуаменъ и ларчикъ жениховы; ихъ посылали уже тогда, когда невѣсту везли къ вѣнцу. Съ приданымъ отправлялась женщина, копорая убирала спальню и все приводила въ порядокъ; ее называли *постельница*; у ней были ключи отъ сундуковъ. Съ приданымъ посылали хлѣбъ-соль и сладкій слоеный пирогъ. Убранство въ спальнѣ было слѣдующее: кровать должна быть женихова; на постель надѣвали шелковую наволоку, клали простыню сверхъ нея, а если была зима, то теплое одѣяло: лисье, песцовое, или даже соболье; сверхъ его одѣяло канфовое или канчовое, вышитое въ узоръ; шесть подушекъ съ кисейными наволоками, обшитыми оборкой. Занавѣсъ была вещь по-же необходимая. У богатыхъ бывали занавѣсы *Китайскіе*, шитые или рисованные, канчовые, канфовые, или гарнизуровые; у бѣдныхъ бѣлые или ситцевые. Къ постелѣ принадлежали разныя вещи, какъ наприкладъ: шубы для жениха и башмаки спальные или упреніе для невѣсты; шубы и башмаки бывали вышитые золотомъ и серебромъ по карштъ, или бархатные вышитые; халатъ для жениха и коротенькая шубочка для невѣсты, родъ нынѣшнихъ кацавеекъ, съ длинными рукавами. Еще непременно нужно было пополенце съ широкими кружевными концами или вышитое; попомъ уборный столъ, простой деревянный, съ выемкою въ сре-

динѣ; но его обшягивали розовой шафшой во-
кругъ, а сверху шафшы кисеей въ шри фалбалы,
копорыя иногда обшивали кружевомъ. На него
спавили шуалепъ съ зеркаломъ; по концамъ двѣ
подушки на розовой шафшѣ, кисейныя; сверху
эпихъ подушечекъ клали другія, вышипыя зо-
лопомъ, и разсавляли на споликъ разныя ко-
робочки, ящички Кипайскіе лаковые, чепки и
подушечки душиспыя, разныя рѣзныя коспяныя
вещицы, духи и всѣмѣлочи для дамскаго шуале-
ша. По опсправленіи приданого начинали одѣ-
вашь невѣспу; надѣвая каждую вещь, невѣспы
креспились. Когда все было гошовой, шо благо-
словляли невѣспу образомъ, и она прощалась съ
опцемъ, маперью и подругами; ее сажали за
сполъ, вокругъ копорого сажались дѣвицы.
Сполъ былъ покрывъ, какъ обыкновенно для
обѣденнаго спола, и успавленъ кушаньями и
пирожнымъ; посрединѣ спавили большой хлѣбъ,
а на него серебряную солонку съ солью. Между
пѣмъ у воропъ обыкновенно караулили жени-
ха, и когда полько показывался поѣздъ его, шо
давали знапъ; дѣвицы вспавали изъ-за спола, а
подлѣ невѣспы сажали маленькаго мальчика или
дѣвочку, *продавать косу*. Женихъ прѣзжалъ съ
пысяцкимъ, боярами и свахой; впереди шелъ
богоносъ съ образомъ, обыкновенно небольшой
мальчикъ, родспвенникъ. Поѣздъ невѣспы со-
спавляли: сваха, при провожапыя молодыя

женщины, шрое мужинъ и мальчикъ съ образомъ. У невѣспы пысяцкій давалъ мальчику, сидѣвшему подлѣ ея, деньги и ссаживалъ его: это называлось *купить косу*. Попомъ всѣ садились за споль; посидѣвши не много, когда были пропѣпы всѣмъ пѣсни, вспавали изъ-за спола; опецъ и мапъ брали руку невѣспы и опдавали жениху, прося въ корошкихъ словахъ любипъ и лелѣпъ ее. Кучеровъ, копорые были съ жениховыми экипажами, дарили плашками. Помолившись Богу, выходили и ѣхали въ слѣдующемъ порядкѣ: богоносы вмѣспѣ и впереди всѣхъ, за ними пысяцкій съ женихомъ, попомъ бояре и сваха. Жениховъ поѣздъ ѣхалъ впереди; за нимъ невѣспя со свахою и провожапыми. У богашыхъ были карешы и коляски; у кого не было, шѣ просили у знакомыхъ. Карешы были въ Иркутскѣ шолько у главныхъ чиновниковъ, и всѣ они охотно ссужали ими. На вѣнчаніи иногда въ церкви пѣли пѣвчіе. Сваха невѣспина разспилала *подножье*, кошорое по окончаніи обряда брали дѣячки. Новобрачныхъ встрѣчали, съ хлѣбомъ и солью, на крыльцѣ опецъ и мапъ жениха. Если было лѣпно, шю шущъ-же и благословляли образомъ, а зимою эпопѣ обрядъ происходилъ въ комнапѣ. Новобрачныхъ и госпей сажали за споль и подавали чай, попому чшо женихъ и невѣспя поспились до вѣнца. Попомъ начинался споль, во время кошорого играла музыка; на дворѣ высца-

вляли кади съ пивомъ и подавали вина. Кучеровъ, прѣхавшихъ съ невѣспинными экипажами, дарили плашками. Меньшіе бояре послѣ вѣнчанія ѣздили къ опцу и маперу, поздравивъ ихъ съ новобрачными.

У богашыхъ опецъ и мапъ въ эшопъ день не ѣздили къ свапамъ; у нихъ, по оппускъ невѣспы къ вѣнцу, обѣдали ближніе родственники и дѣвицы, а по окончаніи обѣда разтѣзжались по домамъ. У новобрачныхъ послѣ обѣда подавали кофе, чай и десертъ; рѣдко панцовали въ эшопъ день. Провожапые уѣзжали домой; оспавалась одна сваха. Тогда пысяцкій и бояре брали образа невѣспы и жениха, зажигали свѣчи и въ сопровожденіи почешныхъ госпей вели новобрачныхъ въ спальню; выпивши за здоровье ихъ, уходили. Почши во всю эпу ночь въ домъ новобрачныхъ пѣли, плясали и порядочно подпивали. Сваху, одаривши, провожали домой двое меньшихъ бояръ. Тамъ начиналась шакая-же сумашоха, какъ и въ домъ новобрачныхъ: пили, плясали, и хопя пипъ вообще было въ большомъ зазоръ, но въ шакихъ случаяхъ все разрѣшалось, и кпо не хопѣлъ пипъ, шѣхъ обливали виномъ. Поуспру молодая дарила свекра, свекровъ, пысяцкаго, бояръ, родственниковъ и домашнихъ служипелей приличными по соспоянію подарками. Всякій, принявши подарокъ и выпивши вина, ушипался подаркомъ и цѣловалъ молодую. Свекру и свекрови,

сверхъ другихъ подарковъ, молодая дарила понки полошныя рубашки; свекоръ, свекровь и ближніе родспвенники опдаривали молодую взаимно. Попомъ молодой съ пысяцкимъ и боярами ѣхалъ въ домъ пещя, кланялся въ ноги пещю и пещъ и благодарилъ за воспитаніе жены. У нихъ уже накрытъ былъ столъ, на копоромъ, между другими кушаньями, было большое блюдо съ понками молочными блинами, обсыпанными сахаромъ и коринкою. Молодой, положивъ блинъ на шарелку, подносилъ вина, сначала пещю, копорый выпивалъ рюмку и закусывалъ блинами. Попомъ зяшъ дарилъ его, и шакимъ - же образомъ подчивалъ и дарилъ пещу и всѣхъ родныхъ, и домашнихъ служилей. Наконецъ звалъ пещя, пещу и всѣхъ родныхъ къ себѣ въ госпи. Въ эпошъ день бывалъ у него большой столъ, а вечеромъ балъ; на другой день ояшъ обѣдъ. Такъ въ домъ новобрачныхъ пировали при дни. По окончаніи веселій, молодые ѣздили съ визипами ко всѣмъ роднымъ и знакомымъ, копорые были на свадьбѣ. Спущя нѣсколько дней, пещъ давалъ для молодыхъ и для новыхъ родспвенниковъ два дни сряду пиръ, и пѣмъ кончались всѣ обряды свадьбы. Госпи и всѣ, кто пировалъ на свадьбѣ, посылали въ домъ молодыхъ и въ домъ невѣсшы хлѣбъ-соль, копорая соспояла изъ большого хлѣба и солонки съ солью; многіе прибавляли къ эпому

фунтъ чаю, а у недоспающихъ людей что нибудь изъ провизіи.

При рожденіи младенцевъ были обряды слѣдующіе: въ то время, когда новорожденного мыли, клали въ воду серебряныя или золотыя деньги, копорыя брала бабка. Между тѣмъ извѣщали родныхъ, и они прѣзжали навѣщать родильницу. Каждый поѣшпитель или поѣшпильница привозили серебряныя деньги, иногда ассигнаціи, а у бѣдныхъ мѣдныя деньги, копорыя и клали подъ подушку родильницѣ или ребенку. Въ крестины, по окончаніи духовнаго обряда, былъ обѣдъ, ужинъ или закуска; но во всякомъ случаѣ подавали кашу изъ сарочинскаго пшена, вареную на молокѣ, а въ поспѣ на водѣ. Поспную кашу обыкновенно обсыпали сахаромъ. Сначала подносили вина, а потомъ кашу; и опѣ этого естѣ пословица: *я у него на крестинахъ кашу пѣлъ*. На кашу повивальной бабкѣ клали деньги. Если дитя было перворожденное, то часто, подшучивая надъ опцомъ, спарались приготоовитѣ ему ложку каши съ солью и съ перцомъ, и говорили, что онъ долженъ раздѣлитѣ спраданія мащери. Колыбели, копорыя въ Иркутскѣ называютъ *зыбками*, обыкновенно были висачія на ремняхъ; для этого въ пополокѣ ввершывалось кольцо, къ копорому привѣшивали колыбель. Онѣ очень удобны. Родильницу непременно водили въ баню, сначала, если только

позволяло скольконибудь ея здоровье, каждый день, а послѣ черезъ день, говоря: *банька вторая мать*. Послѣ бани поили ее *взваромъ* изъ пива, въ копорый клали изюмъ, черносливъ, инбирь и калганъ, или дѣлали его другимъ образомъ: варили пшено сарочинское съ изюмомъ и черносливомъ въ пивѣ. Дѣшвы никакой не было; спарались какъ можно болѣе кормишь родильницу, и Богъ знаетъ какъ все это обходилось безъ дурныхъ послѣдствій. Напрошивъ, родильница скоро поправлялась, и мало бывало какихънибудь несчастныхъ случаевъ. Въ девятый день *размывали руки*. Этотъ обрядъ есть во всей Россіи. Въ Сибири происходилъ онъ такимъ образомъ: приносили кружку чистой воды, въ копорую клали серебряныя деньги, и родильница поливала при разѣ бабкѣ воды на руки, а ша ей обрашно. Попомъ дарили бабку; но подарки, даже въ богатыхъ домахъ, были маловажные: рублей 15 и 20 денегъ, нѣсколько фунтовъ хорошаго мыла и аршина при полошна, или холста; иногда къ этому прибавляли фунтъ чаю. Дѣшей рѣдко кормили грудью, а еще рѣже нанимали кормилицу. Обыкновенную пищу ребенка соснавляло коровье молоко, копорымъ кормили, вливая его въ *рожокъ*.

Описывая, какъ умѣю, разные обряды Иркутскихъ жителей, наконецъ я приступаю къ тому неизбежному въ концѣ жизни обряду, о ко-

поромъ чловѣкъ не можешь самъ забоишься, но оспавляешъ эшо другимъ; я говорю о похоронахъ, и опишу, какъ онѣ опшправляюшся въ домахъ достапочныхъ. Извѣсно, что у бѣдныхъ бываешъ шо-же самое, шолько въ маломъ видѣ. По окончаніи религіозныхъ обрядовъ, умершаго кладушъ на споль, копорый убираюшъ полошномъ или кисей и черными леншми, спавяшъ подсвѣчники, полъ успилаюшъ ельникомъ, эшимъ свѣрнымъ кипарисомъ. Дѣши и ближніе родспвенники бываюшъ попеременно при шѣлѣ усопшаго. Прежде. жена и дочери непременно должны были сидѣшь при шѣлѣ усопшаго и причитать со слезами, высчитывая всѣ добрыя качесшва его. Если кшо не соблюдалъ эшого, шо говорили, что рады и не жальютъ о смерти его; надобно было, если нѣшь слезъ, закрѣшь глаза плашкомъ, положишь голову на споль, гдѣ лежишь покойникъ, и приговаривашъ. У дѣвицъ, при смерти опца или машери, распускали волосы по плечамъ, завязывая голову чернымъ плашкомъ. Тогда не знали плѣрезовъ и праурныхъ чепчиковъ, и мало кшо шилъ праурное плашье изъ фланели: оно обыкновенно дѣмалось изъ черной нелощеной кишайки, самымъ просшымъ покроемъ. Даже при эшомъ случаѣ видно было гошпешримство Сибиряковъ: къ покойному ходили всѣ знакомые, многіе и чужіе: знакомые изъ приличія, а пошпоронніе пошморѣшь, какъ одѣшь,

какою парчою покрытъ, и плачутъ-ли родные; но всякому приходящему подавали рюмку вина и чаю. Для того приспавлены были особые люди, и подъ ихъ надзоромъ самовары кипѣли отъ ушра до вечера. Одинъ изъ вѣрныхъ людей подавалъ милоспѣнію; разсылали по возможности подаванія по монастырямъ, богадѣльнямъ, въ ошп-рогъ и въ больницы; служили два раза въ день паннихиду. Между тѣмъ приготавливались къ похоронамъ, копорыя обыкновенно бывали въ претпій день. Въ Иркутскѣ нѣтъ *готовыхъ* гробовъ, и нѣтъ людей, копорые-бы дѣлали изъ эшого промыселъ; праура не опускаютъ *на прокатъ*, и даже всѣхъ покойниковъ носятъ на носилкахъ, покрытыхъ сукномъ или ковромъ. Гробъ заколачиваютъ на кладбищѣ. При шествиіи пуда, впереди идетъ человекъ съ образомъ, попомъ идутъ священники; иногда приглашаютъ архіерея и архимандрита; попомъ несутъ крышку, покрытую покровомъ; за тѣмъ гробъ, обитый бархатомъ, матеріей, или крашеный и покрытый парчой, или другой какой матеріей, по соспоанію. Обыкновенно тѣло опптѣваютъ въ приходской церкви и попомъ несутъ на кладбище; гробъ опускаютъ въ могилу на холмѣ, копорый дѣлятъ нищимъ; наконецъ служатъ паннихиду, раздаютъ милоспѣнію и возвращаются домой. Въ эноптъ день бываетъ большой обѣдъ, копорый называютъ *горячимъ*.

Кромѣ священниковъ и причетниковъ приглашаются на него родспивенники и знакомые; кому угодно изъ поспороннихъ, всякій можетъ придти и обѣдать: никому не опказываютъ. По приѣздѣ съ могилы, сначала подаютъ чай, потомъ служатъ паннихиду и садятся за столъ. Первое блюдо подаютъ *блины*, но не гречневые, копорыхъ мало и знаютъ въ Сибири, а понкіе молочные; въ поспѣ поспные. Потомъ подаютъ обыкновенныя кушанья и всегда гошуютъ ихъ множеству. Обѣдъ заключаютъ киселемъ молочнымъ со сливками, а въ поспѣ поспнымъ, съ миндальнымъ молокомъ, или медовою сыпюю. Когда поспавяшъ на столъ кисель, по всѣ вспаютъ, поютъ вѣчную память, садятся и кончаютъ обѣдъ. Послѣ обѣда, какъ и вездѣ въ Россіи, поютъ липію и разносятъ напитки. Тутъ подаютъ чай и разъѣзжаются по домамъ. Въ эпошъ день, около вечера, и въ слѣдующіе, родные ѣздяшъ на могилу служашъ паннихиду, и ничто не удерживъ ихъ: ни дождь, ни морозъ. Бѣдные, копорые не могутъ эпого сдѣлашъ, ходяшъ по суббошамъ служашъ паннихиду; эпо продолжается сорокъ дней. Между шѣмъ опдаютъ чипашъ годовые псалшири и *сорокоусты*, кормяшъ нищихъ, зимою въ комнапахъ, а лѣпомъ во дворѣ, гдѣ разспавляютъ столы и собираютъ челоувѣкъ до шрехъ сопъ и болѣе. Столъ дѣлаютъ хорошій; щи и похлебки ва-

ряпъ въ кошлахъ, пекутъ множесство пироговъ, блиновъ, жаряпъ жаркое, дѣлаютъ кисель и варяпъ пиво. Когда сберется много нищихъ, то запираютъ ворота, чшобъ не было безпорядка; подаютъ имъ по рюмкѣ вина и сажаютъ за столъ. Хозяева и домашніе сами угощаютъ госпей. Послѣ обѣда выпускаютъ ихъ по-одиначкѣ и одѣляютъ деньгами. Иногда бываетъ обѣда при въ день, и чшо оспается ошъ нихъ, ошвозяпъ въ оспрогъ, чшобъ никакихъ оспашковъ ошъ эпого дня не было. Въ печеніе сорока дней бываетъ поминовеніе. Въ девяпый и двадцапый день обѣдаютъ шолько ближніе родспвенники, но въ сороковой бываетъ большой званый обѣдъ; пошомъ еще чрезъ полгода и годъ. Трауръ носятъ ближніе родные цѣлый годъ.

Церкви въ Иркутскѣ украшены иконами въ серебряныхъ, позлащенныхъ ризахъ, и содержащя въ чиспогъ и благолѣніи; многія расписаны; во всѣхъ церквахъ большіе колокола; нѣтъ ни одной, гдѣ - бы не было колокола въ 200 пудовъ, а въ нѣкопорыхъ еспъ пудовъ въ 400 и болѣе. Церкви обыкновенно раздѣляются на верхнюю и нижнюю: внизу шеплая, а верхняя холодная, и всѣ оны съ придѣлами. При многихъ церквахъ еспъ богадѣлни, копторыя содержащя подаяніемъ доброхопныхъ. Во многихъ домахъ заведено, когда пекутъ хлѣбы и булки, посылаютъ каж-

дый разъ часпъ въ богадельню. Также, къ большимъ праздникамъ, раздающъ бѣлье и плащье бѣднымъ.

Народъ въ Иркутскѣ вообще склоненъ къ разсказамъ. Вечеромъ, не только въ деревняхъ, но и въ городѣ, когда соберутся нѣсколько человекъ, особливо женщинъ, то разсказываютъ о спаромъ-бываломъ, или сказываютъ сказки; но это болѣе дѣшамъ, или въ своемъ семействѣ. Сколько слыжала я разсказовъ о домовомъ! Его называютъ шамъ сусѣдко. Бѣда, если онъ кого не взлюбилъ! Также въ мѣтеорахъ проспой народъ видилъ огненныхъ змѣевъ; *мѣсные* заводяшъ прохожихъ; сусѣдко высѣкаетъ огонь, придетъ, и если домашній скопъ придется по дому, то онъ хопитъ его, гладитъ и кормитъ. Спарухи часто обращаются къ нему съ просьбою: любилъ коровъ. Если онъ не полюбилъ ихъ, то выгребаетъ кормъ, и попому, когда худа корова, то говорятъ: *«не по дому пришла, сусѣдко не любилъ.»* О змѣѣ огненномъ говорятъ, что онъ носилъ деньги своимъ любимцамъ, но что такое богатство не идетъ въ прокъ и обращается прахомъ. Долго было-бы разсказывать о всѣхъ спаринныхъ причудахъ; но къ чеспи Иркутскихъ жишелей, въ религiи у нихъ нѣтъ никакихъ суевѣрій; нѣтъ раскольниковъ между купцами и вообще между народомъ; развѣ еспъ они между прѣзжими изъ Россiи, но и пѣ спараются скрывать свое невѣжество. Жишели спрого со-

блюдають всѣ духовные обряды, но безъ малѣйшаго суевѣрія. Въ Сибири нѣтъ такъ называемыхъ кликушъ, и даже тѣ, копорыя прѣзжаютъ изъ Россіи, пораженные, какъ назвавъ это, причудами или бодѣзнію, проживши нѣсколько времени въ Иркутскѣ переспавъ кликашъ, безъ всякаго леченія. Между жипелями Иркутска нѣтъ, или не было, по крайней мѣрѣ, упонченнаго, свѣтскаго обращенія; но легко разгадавъ причину этого. При всей охотѣ перенимать хорошее и учитья всему изящному, шамъ нѣтъ учипелей и учипельницъ панцоваця, музыки и пѣнія; нѣтъ шеапровъ, концершовъ; даже нѣтъ ни одного пансіона или училища для дѣвицъ; учащя, какъ кшо можешъ; нѣкопорые дома, другіе у священниковъ. Были при мнѣ дома два, гдѣ по нѣсколько дѣвицъ учились, болѣе по знакомству Русской грамошъ и разнымъ рукодѣліямъ. Очень было-бъ пріятно, если-бы Иркутскіе капишались, согласясь между собою, устроили пансіонъ для воспитанія дѣвицъ, тѣмъ болѣе, что вообще многія имѣють способноши и склонноспъ къ ученію, и спараютья недоспашокъ воспитанія вознаградишь чпеніемъ книгъ. Также у нихъ видѣнъ вкусъ въ нарядахъ, гораздо болѣе нежели въ тѣхъ губерніяхъ, копорыя ближе къ сполицамъ. Много еще можно сказаъ похвальнаго о шамошнемъ кунечесивѣ. Напримѣръ, въ госпиномъ дворѣ никогда не за-

просятъ съ васъ вѣрое, не будутъ ворочать
 съ дороги и говоривъ, что для васъ уступаютъ;
 никогда не боятся при продажѣ и не
 стараются продать и подмѣнить гнилой по-
 варъ вмѣсто хорошаго. Отдаленность отъ спо-
 лицъ и недоспапокъ въ воспитаніи кладутъ
 свою печать; за то въ нравственномъ отноше-
 ніи много есть похвального въ семействахъ, и да-
 же болѣе привязанности вообще между родны-
 ми. Сестры, вышедши за мужъ, часто выдаются,
 и рѣдко бываютъ ссоры между родственника-
 ми. Господствіе въ Иркутскѣ примѣрное;
 благонравіе уважается чрезвычайно, и даже въ
 простомъ народѣ женщина дурнаго поведенія не
 найдетъ себѣ мѣста нигдѣ. Посты и дни
 постныя строго соблюдались въ Сибири. Мно-
 гіе жили даже сами налагали на себя посты,
 и постились Кирику и Гулишту, Іоакиму и Ан-
 нѣ, Ильѣ Пророку и Воздвиженію. Наканунъ Рож-
 дества, то есть въ сочельникъ, не ѣли ниче-
 го до звѣзды, и уже вечеромъ пили чай и ужи-
 нали. Дѣвушки берегли отъ этого дни лучин-
 ку, копорою засвѣчали огонь для ворожбы; а въ
 Сибири большія охопницы ворожицы, и множе-
 ство рассказываютъ чудеса, кому что видѣлось.
 Такъ какъ я хочу описать всѣ мнѣ извѣстные
 обычаи и повѣрья, то опишу и гаданья. Празд-
 никъ Рождества, какъ и вездѣ, начинался духов-
 ными обрядами: ходили къ заупрени, къ обѣдѣ;

послѣ обѣдни съ поздравленіями къ спаршимъ. Дочери послѣ обѣда ѣздили съ мужьями и дѣтьми къ родителемъ. На другой день дѣлали визиты спаршимъ родспивенникамъ и принимали у себя госпей. Такъ проходили первые шри дни; но Свяшки продолжаются до Крещенья. Вечера свяшочные называли *святыми*. Въ первые шри дни дѣти всѣхъ званій ходили *славить Христа*. Эпо былъ любимый праздникъ для дѣтей, и шѣ изъ нихъ щеголяли, копорые больше выучивали *рацеекъ*. Ошславивши Христа, они сказывали рацейки, и вспарину обращались къ хозяину и хозяйкѣ. Вопш образчикъ эпого: *Встань, хозяинъ, да покатись въ подполье, по пир оги, да по шаням, по мягкій хлѣбъ, да по деньги въ зель*. Еще было обыкновеніе печь изъ ржаной муки ягняшъ и овечекъ, иногда и паспуха; все эпо давали въ госпинцы дѣтямъ. Вѣрояшно, эпо очень древній обычай, и, кажешся, въ воспоминаіе шого, что паспухи первые привѣшшшвовали рожденіе Спасишеля. У дѣвочекъ пряпали куклы въ чуланъ, или куда нибудь подальше, пакже оборачивали куклы внизъ лицомъ, говоря, что грѣхъ играшъ ими въ свяшые вечера, что *шмликунъ* ушацишъ ихъ. Подъ эшимъ разумѣли какихъ-шо веселыхъ чершей, копорые подкарауливали все, что кладушъ не благословясь, и все эпо была ихъ добыча. На другой день начинали ходишъ съ *вертеломъ*. Я сама воспишан-

ница Сибири, и участвовала во всѣхъ играхъ и забавахъ Иркутскихъ, пому уже около сорока лѣтъ. Жизнь была даже въ лучшихъ домахъ патриархальная. Вершеть — ящикъ о двухъ ярусахъ; въ немъ представляли разныя сцены, относящіяся къ Рождеству Христову, какъ-то: явленіе Ангеловъ, поклоненіе волхвовъ, бѣгство въ Египетъ, а въ заключеніе смерть Ирода. Все это представляли куклами деревянными, одѣтыми въ илапья, приличныя изображаемымъ лицамъ, хопя, правду сказать, вѣрность костюмовъ была не слишкомъ строго соблюдаема; на примѣръ: дочь Ирода, извѣстная по преданію за славную шанцовщицу, плясала Русскую пляску съ распудреннымъ кавалеромъ и являлась одѣшою по послѣдней модѣ. Но намъ дѣшамъ какое было дѣло до этого? Было весело, и казалось довольно, что все относилось къ духовному. Въ верхнемъ ярусь вершепа представляли смерть Ирода, а въ нижнемъ пляски. Тушь были и свои арлекины: шрапезникъ и дѣчекъ. Дѣчекъ зажигалъ свѣчи, копорыми освѣщался вершеть; шрапезникъ гасилъ ихъ, и оба просили съ разными прибаутками денегъ. У шрапезника былъ за плечами кузовъ, въ копорый клали деньги, а у дѣчка шарелка; и все это доставляло дѣшамъ несказанное удовольствіе. Обыкновенно съ вершепомъ ходили мальчики; одинъ изъ нихъ, копорый былъ всѣхъ распорочнѣе, дѣлался ди-

рижѣромъ. Иногда бывалъ у нихъ скрыпачъ, и они гордились этимъ. Въ Иркутскѣ были двое слѣпыхъ, копорые играли на скрыпкѣ и ушѣшали не одно поколѣніе. Они-то обыкновенно ходили съ вертепомъ. Эпи лица не умерли: ихъ помѣспилъ Г. Калащниковъ въ одномъ своемъ романѣ. Вечеромъ, когда бывало смеркнепся и закроютъ спавнями окна, спучались подъ окномъ, и на вопросъ: кпо тамъ? ошвѣчали: не угодно-ли съ вертепомъ? Тупъ обыкновенно дѣппи приспнували съ просьбами пуспипъ вертепъ. Никакая лучшая піеса, разыгранная на теастрѣ, не доставляешъ пеперь такого удовольствія, какое доставлялъ намъ вертепъ. Блаженное время дѣппспва!... Еще было вепарину обыкновеніе, копорого я уже не помню: ходили съ конькомъ. Одинъ предспавлялъ сидящего на лошади рыцаря, а двое другіе даму и кавалера; ходили поже вечеромъ по домамъ, и куда входили въ домъ, шо пѣли и плясали.

Описавши дѣппскія на сваяпкахъ увеселенія, приспнуаю къ описанію забавъ юношескихъ лѣтпъ. Всѣ игры и гаданья ошносяпся болѣе къ дѣвицамъ; но и молодые мужчины въ нихъ учаспвовали. Назначивши вечеръ, подруги собирались въ одинъ домъ, поиграпъ и погадапъ. Всегда начинали подблюдными пѣспнями; но эшо дѣмалось особеннымъ образомъ. Собирали кольца, перспшпи, запонки, сережки; клали ихъ въ блюдо

и накрывали салфеткою; нарѣзывали маленькіе кусочки хлѣба и клали сверхъ салфетки. Сначала пѣли пѣсню хлѣбу и соли и брали кусочки; ложась спать, клали ихъ подъ головы, загадывая, чпо приснился. Попомъ пѣли пѣсни; по окончаніи каждой изъ нихъ, прясли блюдо, и одинъ ловилъ, чпо попадалось, по одной вещицѣ. Обыкновенно болѣе спарались класпъ такія вещи, гдѣ въ оправѣ камня; тогда загадывали: за чпо или какъ вынешся? за камешекъ или за колечко? Всѣ вещи клали виѣспѣ, и послѣ присуждали, чпо дѣлашь за выкупъ? Последнему, когда оспавалась одна вещица, пѣли свадебную пѣсню: *дорогая моя гостейка*, и кольцо капили по полу, загадывая, въ копорую спорону покапишся оно: если дѣвушкѣ покапишся къ дверямъ — къ замужству, мужчинѣ — къ дорогѣ. Послѣ пѣсенъ хоронили золопо. Эпа игра всѣмъ извѣсна и, кажешся, одна изъ самыхъ спаринныхъ. Попомъ играли *именами*, въ *Короли*, въ *курилку*, и въ *жмурки*, копорыя въ Иркутскѣ называютъ *имѣльцы*. Я опишу всѣ эти игры по порядку.

Игра въ имена. Всѣ сажались. Одного по жребью сажали на стулъ посреди комнапы, другой давалъ имена всѣмъ, какія вздумается, смотря по особѣ; напримѣръ, мужчинѣ имена: соколъ, соловей, коршунъ, чершополохъ, василекъ, макъ; дѣвицѣ: ласпочка, малиновка, гвоздика. Имена сказывали каждому пошихоньку, чпобъ не слы-

халъ попгъ, кпо сидигъ на спулъ. Тутъ ему закрывали глаза плашкомъ и кликали одного по имени. Онъ долженъ былъ подойши, легонько ударишь сидящаго на спулъ и пошчасъ съспъ на свое мѣсто. Прочіе всѣ въ это время попали ногами, приговаривая: *былъ, да ушелъ, спрятался, запечатался*. Тогда открывали глаза сидящему на спулъ, и онъ долженъ былъ угадашь, кпо его ударилъ; если угадывалъ, по ударившій смѣнялъ его, а попгъ, кошорый сидѣлъ на спулъ, давалъ имена; въ прошивномъ случаѣ перемѣняли имяшолько шому, кпо былъ вызванъ.

Игра въ Королъ. Начиалась шакъ: всѣ, учаспвующіе въ игрѣ, клали правую руку на сполъ, одинъ за другимъ; чья рука была внизу, попгъ вынималъ ее, а за нимъ и другіе; девяшый былъ Королъ. Тогда каждый подходилъ къ нему и говорилъ: *Королъ, я твоя (или твой) слуга, что прикажешь дѣлать?* Службы были разныя и смѣшныя; напримѣръ, какойнибудь хорошенькой дѣвушкѣ Королъ приказывалъ спашъ въ уголь, и при рза громко сказашъ: *я хороша, я пригожа, за мужъ иду за такого-то*, и обыкновенно выбирали какогонибудь безобразнаго спарика; на опговорки не смолръли, шакъ чпо иногда дѣвушкѣ было не до смѣха; но должно было выполняшь королевскую волю. Иному приказывалъ Королъ смѣшь пѣсню, другому поплясашъ, иному пропѣшь пѣшукомъ, скакашь на одной ногѣ, про-

даваѣь калачи, возиѣь сѣно. Еще была служба: спашѣь въ уголѣ и говориѣь: *Горю, горю на камешкѣ; кто меня любитѣь, тотѣь поцѣлуеѣь.* Тогда кшо нибудѣь подбѣгалѣь, цѣмовалѣь и горѣьлѣь въ свою очередь. Я могла-бы наскучиѣь, опи-сывая разныя службы.

Иногда играли съ курилку. Садилеьсь всѣ въ кружекѣь, зажигали лучинку, и попушнвыши, передавали ее одинѣь другому, приговаривая: *Жилѣь, былѣь курилка, ножки тоненьки, душа коротенька; не умри, курилка, не оставѣь печали, не заставѣь плясати.* Всякѣй спарался скорѣь сбыѣь съ рукѣь курилку, приговаривая: *живѣь.* У кого погасала лучинка, съ шого брали *фантѣь.*

Игры обыкновенно заключались *жмурками.* Эша игра извѣстна всѣмѣь. По жеребью завязывали кому нибудѣь глаза плапкомѣь и спрого испытывали, не видипѣь-ли онѣь. Пошомѣь приводили его къ дверямѣь и спрашивали: *Гдѣь стоишѣь?* Завязанный отвѣчалѣь: *У дверей.* — *Что продаеши?*—*Квасѣь, да ягоды.* — *Ищи насѣь двадцать два года.* Тушѣь всѣь разсыпались, какѣь дождѣь. Всякѣй спарался удариѣь жгушомѣь бѣд-няжку, но и пошѣь хиприлѣь; иногда оспанавливался по среднѣь комнашѣь, прислушивался, гдѣь его непріашели и бросался врасплохѣь. Законами игры не позволено было уходиѣь въ другую комнашу; кшо покушался на эшо, шому всѣь кричали: *погорѣьлѣь, погорѣьлѣь!* и завязывали глаза.

Наигравшись, нѣкоторые разѣзжались по домамъ, а многія дѣвицы оспавались ночевашъ у подругъ. Тогда-то, подѣ предводишельствомъ опытныхъ, приступали къ шайнамъ—угадывашъ будущее. Гадали о суженомъ, о шомъ, весело-ли проживушъ слѣдующій годъ; лили олово, воскъ, и по вылишнымъ фигурамъ разгадывали свою учаспъ. Около полуночи выходили во дворъ *полоть снѣгъ*. Взявши немного снѣгу въ фаршукъ, качали его, приговаривая: *полмо, полмо бѣль снѣгъ; гдѣ собака залаятъ, тамъ мой суженой*, и прислушивались. Гдѣ залаяла собака, шамъ бышъ опданной за мужъ. Толстый и хриплый лай означалъ спарика, звонкій и тонкій молодого. Иногда дѣлали упочекъ изъ воску и опускали ихъ на шарелку съ водою; если упочки плавали вмѣстѣ, шо это означало согласіе, а врознь — недружбу; наливали въ блюдце воды, и зажегши небольшой клочекъ хлопковъ, клали его въ спаканъ, копорый шопчасъ опрокидывали на блюдце. Если много набиралось воды въ спаканъ, шо это означало, что мужъ будетъ любить вышипъ, а если мало, шо онъ будетъ человекъ презвый. Еще ворожили шакимъ образомъ: бросали башмакъ за вороша; куда упадешъ онъ, шуда бышъ опданной за мужъ. Или выходили за вороша и спрашивали у первого прохожаго: какъ зовушъ? И какое скажешъ онъ имя, шакъ будупъ звапъ

жениха. Многія слушали подѣ окнами и по рѣчамъ судили, чему бытъ; выпускали на средину комнашы курицу съ пѣшухомъ и замѣчали, сердитѣ-ли будетѣ мужъ? Если пѣшухъ гордо расхаживалъ, клевалъ курицу, то значить, что сердинный мужъ будетѣ; но иногда и курица храбрилась. Иногда двѣ дѣвицы брали цѣлый ржаной хлѣбъ на пальцы и загадывали, въ которую сторону будетѣ вершѣться? Если по солнцу, то сбудетѣся загаданое, а прошивъ солнца, то нѣтъ. Точно также ворожили сипомъ; но всѣ эти гаданья были мѣлочныя. Такъ ворожили дѣвушки разнаго возраста: большія и маленькія. Главныя, важныя гаданья были: смопрыпъ въ зеркало въ полночь, когда всѣ лягутъ спать, или набирапъ два прибора на Васильевъ вечеръ, или на Крещенье, и въ сочельникъ ходипъ слушашъ къ веревъ, къ анбару, къ проруби, на перекрестокъ, и все это въ полночь. Я сама нарочно испытывала многое; но мнѣ никогда и ничего не чудилось; напрошивъ опъ другихъ я слыхала чудеса, и онѣ божились, что это точно было. Глядѣнье ночью въ зеркало дѣлалось такъ: дѣвица, которая хотѣла гадать и надѣялась на свою бодрость, садилась одна, а если немножко прусила, то, неизмѣнная своей природѣ Еввина внучка, копорой хочетѣся знать, хорошъ-ли, молодъ-ли будетѣ суженой, сажала няню или какую нибудь Сивиллу

въ смежной комнаѣ, и спавила два зеркала одно прошивъ другаго. Передъ однимъ она сидѣлась сама и спавила на споль двѣ свѣчи, а другое зеркало спавила сзади, очерпивъ лучинкой (копорою былъ зажженъ огонь въ сочельникѣ) и глядѣла въ него приспально. Сначала зеркало подергивалось туманомъ; попомъ мало по малу прояснялось, и суженый глядѣлъ черезъ плечо дѣвицы. Тогда надобно было зачураться: *«чуръ меня, полно!»* и оппюдь не оглядывашся, а шо могло бытъ худо. Конечно все это одно воображеніе, но многимъ спойло жизни или ппажкой болѣзни. Воптъ чпо рассказывала мнѣ одна очень умная и безъ всякихъ предразсудковъ дѣвушка. Вздумала она смопрѣшъ въ зеркало ночью. Домъ, гдѣ жила она, былъ большой, каменный въ два эшажа. Взявши съ собой дѣвушку, она велѣла ей лечь спать въ ближней комнаѣ, а сама сѣла передъ зеркаломъ. Была полночь. Она сидѣшъ, какъ Свѣплана, ждешъ появленія суженаго; всѣ въ домъ сппашъ и вороша запершы; внизу у дверей былъ колокольчикъ. Вдругъ колокольчикъ зазвенѣлъ, и она слышпшъ, чпо кппо-по идешъ ппажельми спопами по лѣспницѣ; спукъ шаговъ приближается; но она, дрожа опъ ужаса, не разсудила дожидашся суженаго, копорый, вмѣсто того чпобъ показашся въ зеркалѣ, вздумалъ самъ пожаловашъ и лицомъ къ лицу бесѣдовашъ съ нею; она бросилась въ комнату, гдѣ спала ея

подруга, зачуралась, но быма послѣ эшого больна. Домашніе утверждали, что всѣ спали въ полночь и никшо ничего не слыхалъ. Поэтому рѣдко кто рѣшается на эшу ворожбу, хотя она, какъ говорятъ, самая *вѣрная*. Также рѣдко зовущъ ужинашь своего суженаго. Для эшого спавяшъ два прибора, хлѣбъ, соль, ложки, и околѣ полуночи дѣвушка садится за столъ, очерчиваешся и говоришъ: *Суженый, ряженный, приди ко мнѣ ужинать*; лишь только пробьешъ полночь, являешся женихъ въ помѣ нарядѣ, въ какомъ будешъ на сговорѣ, и садится за столъ. На всякій случай берущъ съ собою пѣшуха, для того, что когда не поможетъ зачуранье и гостъ засидится, то надобно давнущъ хорошенько пѣшуха; онъ запоешъ и все исчезнешъ. А вошъ ходишъ на прорубь, шакъ спрахъ и ужасъ! Однажды при дѣвушки сговорились идиши гадашъ на прорубь, взяли бычью кожу, очерпились и съли, какъ надобно. Вдругъ слышапъ, кожу кто-шо шаципъ въ воду, больше и больше; онѣ: *чуръ того! полно!* Напрасно! Онѣ бѣжапъ домой, но за ними шакже бѣгущъ и кричапъ: *копылица, стой! обварила, стой! барыня, стой!* Онѣ, шворя молишву, насилу добѣжали, да скорѣй и вороша на запоръ. Но что-же вышло? Одна изъ нихъ обварилась кипяпкомъ и умерла, другая упала и зашиблась объ копылья саней, а шрешья вышла за мужъ за дворянина,

и все это въ одинъ годъ. Да мнѣ не уписаешь бы на нѣсколькихъ лиспахъ чудесь, копорыя я слыхала. Какъ начнушь, бывало, опышныя люди рассказывають про спарину, шо у насъ волосы на головѣ дыбомъ спановяшся; но поворожишь хочешся, и прусихи выбираютъ, чѣмъ не шакъ спрашно: пойдущъ къ верѣ, очерпяшся, и не одна, а двѣ, при дѣвушки, только загадываютъ поодиначкѣ: богапо-ли жишь и выйдущъ-ли въ этотъ годъ за мужъ. Если копорой выйдши, шо ей запоютъ пѣсни свадебныя, а къ богашспву начнушь деньги счищать, а кому учась не шакъ весела, шо плачущъ; но шущъ споднщъ только зачурашся, и все кончено. Еще ходящъ на перекрестокъ, на улицу, сядущъ, накроютъ скапернью; одна загадаешъ и кому выйдши въ этотъ годъ за мужъ, шо и поѣдетъ съ копорой нибудь спороны поѣздъ: и свищущъ и гаркаютъ. Но съ окончаніемъ свѣтокъ конецъ всѣмъ ворожбамъ; спарые люди поспяшся, да Богу моляшся, а молодые свое смѣкаютъ. Наканунъ сочельника спускаютъ гребень за окошко, и какіе волосы на гребнѣ, шакіе будутъ и у суженаго; обсѣваютъ золой и по упру смотряшъ, какая обувь у жениха; наливаютъ въ ложки воду и выспавляютъ ее на морозъ. Такъ ворожатъ и спарухи: если бугорокъ, шо еще проживущъ годъ, а ямка значить смершь. Въ самый сочельникъ, добрые люди пойдущъ на воду, а грѣхо-

водницы-дѣвушки напекутъ сочней, по естъ тонкихъ лепешекъ изъ прѣснаго пѣспа, выйдутъ за воропа и смопрятъ, кто первый идетъ или ѣдетъ, и знаютъ уже, что какого званія будетъ женихъ. Вечеромъ въ Крещенскій сочельникъ вездѣ окропляютъ свяпой водой, спавятъ креспы мѣломъ на окнахъ и дверяхъ, и пѣтъ все оканчивается.

Таковы свяпочныя забавы дѣвушекъ въ Сибири. Все это принесено изъ Россіи; заѣзжіе Русскіе жишели сохранили свои обычаи, повѣрья, обряды, и они поддерживались въ самобышней простотѣ, такъ что многихъ коренныхъ Русскихъ обычаевъ не лзя вспрышптъ нигдѣ, кромѣ Сибири и особенно Иркутска. Теперь и шамъ спыдяшся спарины, и шамъ все быспро измѣняется. Я не хочу хвалишь спарыхъ обычаевъ и суевѣрій, но, кажется, всѣ они доказываютъ простоту нравовъ. Желаю опъ чистаго сердца, чтобы всѣ эти пуспяки замѣнились испиннымъ просвѣщеніемъ, а не моднымъ обезьянствомъ, которое ни въ какомъ случаѣ не ведетъ къ добру. Когда жили въ простотѣ сердца и сообразно своему климату, по не знали многихъ болѣзней. Нынѣ (конечно не всѣ) спыдяшся заняпій хозяйствомъ, боясь прослыть кухарками и простолюдинками; но въ Швейцаріи, Голландіи женщины просвѣщеннѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и

*

между тѣмъ свято исполняютъ всѣ домашнія обязанности. Слова мои болѣе относящіяся къ непросвѣщенному классу; въ высшемъ, просвѣщенномъ кругу, у насъ многія мащери сами воспитываютъ дѣтей и распоряжаются домашнимъ устройствомъ. Дай Богъ, чѣмъбы это было при-
мѣромъ для всѣхъ другихъ. Но я опустуила
опъ своей мащери.

Послѣ Святокъ игры упишаютъ, начинаются
свадьбы; послѣ этого дожидаются Масляницы;
погда свои сѣверныя забавы: капанья по ули-
цамъ, капальныя горы. Бѣгъ устроиывается въ
Иркутскѣ сначала зимы на успѣ Ушаковки, а
послѣ на Ангартъ. Онъ блестящъ, какъ зеркало,
и бываетъ обспавленъ ёлками. Тутъ по Воскре-
сеньямъ и въ праздники, а особливо на Масля-
ницѣ выѣзжаютъ охотники въ маленькихъ сан-
кахъ, на рыскахъ и иноходцахъ. Горы бываютъ
часто въ двухъ мѣстахъ: на Ангартъ и на Уша-
ковкѣ. Съ Четверга начинаются гулянья. Къ
Масляницѣ варятъ пиво и дѣлаютъ *хворосты*;
столы накрыты скащерпями и успавлены коп-
фешками, вареньями. Хворосты (родъ пирожна-
го), какъ принадлежность масляницы, видны ве-
здѣ; самоваръ всегда гошовъ. Родные ѣдятъ
другъ къ другу, и между тѣмъ не забываютъ
кашаться. Во многихъ домахъ дѣлаютъ ледяныя
кашальныя горы, съ копорыхъ кашаются на

кожахъ, на лубкахъ, на санкахъ и даже на льдинахъ. Воптъ чпо еще иногда бывало на Масляницѣ, для забавы народа: начальники города приказывали сплотишь вмѣстѣ нѣсколько огромныхъ саней и успроивали на нихъ корабль со снастями, парусами. Тунтъ садились и люди, и медвѣдь, и *Госпожа Масляница*, и разные паяцы; все это вообще называли *Масляницею*. Въ нее впрягали лошадей двадцать и возили ее по улицамъ; позади обыкновенно слѣдовали толпы мальчишекъ и гулякъ; они провожали ее пѣснями и разными прибаутками. Къ чesпи Иркутскихъ жишелей надобно сказапъ, чпо они очень набожны; не только пожилые люди, но и молодые всю Масляницу ходяпъ въ церковь. Въ *прощальный день* ѣздяпъ на кладбище, служапъ павнихиды и покланяюпся праху родныхъ; попомъ весь этопъ день посвящаютъ прощальнымъ визипамъ, къ родипелямъ и спаршимъ родственникамъ. Вечеромъ помпъ-же обрядъ повпоряешя дома; служители прощаются съ хозяевами, дѣпи съ родипелями. Прежде былъ въ Иркутскѣ обычай (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи онъ сущесшвуетъ и донинѣ) приносишь пряники въ прощальный вечеръ. На другой день начинаешя постъ первый: Понедѣльникъ называюпъ *чистымъ*, попому чпо въ этопъ день перемываюпъ всю посуду, ходяпъ сами въ баню, и многіе начинаюпъ говѣшь. Хозяйки въ

Иркупецкъ, по крайней мѣрѣ были прежде, пре-
суепливья созданыя: на первыхъ дняхъ поста
пекутъ обварные крендели, сдобные калачи и
пряники разныхъ сорповъ. Многіе, особенно лю-
ди пожилые, не ѣдятъ даже рыбы во весь
постъ; прочіе соблюдаютъ это только въ пер-
вую, четвертую и спрасную недѣли. Кому
есть время, тѣ ходятъ въ церковь; но во всѣхъ
домахъ кипитъ дѣятельность: богатые шьютъ
для своего семейства обновки, а бѣдные шудятъ-
ся для богатыхъ; это вездѣ ведется, но въ
Иркупецкѣ замѣтнѣе, потому что тамъ нѣтъ
магазиновъ и даже не много швей или маспе-
рицъ, а болѣе сами гошуютъ свои наряды и да-
же шьютъ бѣлье; отдаютъ шить только то,
чего сами не могутъ сдѣлать. Хотя Пасха слу-
чается и въ Маршѣ, но почти всегда въ это
время сходитъ снѣгъ и бываетъ сухо. Къ свя-
той недѣлѣ дѣлаютъ во многихъ домахъ качели,
и гдѣ большое семейство и дѣвушки, то есть
еще увеселеніе, кошараго прелести я не пони-
маю. Покупаютъ длинную и широкую доску, глад-
ко выпроганную, подмачиваютъ ее по среди-
нѣ четверти на три, и одинъ садится на сре-
дину: это называютъ *сидѣть на кашкѣ*; двое
становятся по концамъ, подпрыгиваютъ пооче-
редно и дѣлаютъ разныя фигуры. Тотъ по-
чипается искуснымъ, кто выше прыгаетъ; но
это довольно опасно: многіе падаютъ и уши-

баюся. Въ Великій Чешвершокъ спараюся
вспать до солнца и умыться свѣжею водою съ
серебра, чпобъ бытъ здоровыми цѣлый годъ.
Есть преданіе, чпо въ эпомъ день воронъ до
свѣта купаетъ своихъ дѣпей; но это не обык-
новенный воронъ или воронье, а вѣщій воронъ, и
живетъ онъ въ непроходимыхъ лѣсахъ. Гово-
рятъ, чпо у него въ гнѣздѣ и золото, и сере-
бро, и дорогіе каменья. Еще есть въ Сибири,
такъ-же какъ и въ другихъ мѣстахъ, обычай, за-
вязавши въ узелъ соли на Чешвергъ, класть ее
въ печь: это называется *четверговою солью*. Ее
сохраняютъ, какъ лекарство отъ дурнаго глаза,
и поятъ ею коровъ и телятъ, когда они боль-
ны. Къ празднику Воскресенія Христова приго-
товляются, богатый какъ хочетъ, а бѣдный
какъ сможетъ; но во всякомъ домѣ пекутъ ку-
личи, красятъ яйца, дѣлаютъ сыры. Изъ доспа-
почныхъ домовъ посылаютъ разной провизіи въ
острогъ, въ богадѣлни. Свящую недѣлю, такъ-
же, какъ и другіе торжественные дни, прово-
дятъ въ кругу родныхъ и знакомыхъ. Изъ всѣхъ
увеселеній, извѣстныхъ въ споліцахъ, на Свя-
шой недѣлѣ только качели спавятъ на площа-
ди. Тутъ бываютъ качели круглыя, большія, съ
сидѣлками, и коньки; народъ качается, ѣздитъ,
другіе смотрятъ; но пѣтъ и кончится празд-
никъ. Въ Иркутскѣ нѣтъ шапра, и за опда-
ленносцю не пріѣзжаютъ никогда волпижеры,

балансёры и разные искусники съ диковинками. Имена Финарди, Раппо, Кіарини извѣстны только изъ газетъ. Тѣмъ болѣе никогда не видали шамъ истинныхъ арписповъ. Во всѣ двадцать пять лѣтъ, копорыя прожила я въ Иркутскѣ, прїѣзжала туда только труппа Ипальянцевъ съ учеными собаками. Правда, это берегаеиъ карманы, но многіе вздыхаюиъ объ увеселеніяхъ столицы. Во Вторникъ на Оминой недѣлѣ биваетъ поминовеніе по усопшихъ, и весь народъ гуляетъ тогда на кладбищѣ. Въ день Преполовенія, по окончаніи службы, ходяиъ изъ собора съ иконами кругомъ города; спеченіе народа биваетъ большое. Также въ Маѣ мѣсяцѣ носяиъ образъ Казанской Божіей Матери, со крестами и хоругвями изъ собора въ разныя села: Куду, Оёкъ, Урикъ, иногда даже въ упраздненный городъ Балаганскъ. Въ день Вознесенія многіе ходяиъ и ѣздяиъ въ Вознесенскій монастырь, гдѣ, по опслушаніи литургіи, цѣлый день гуляюиъ. Когда Пасха была поздняя, шо въ эиомъ день уже есиъ цвѣшы, и весело смопрѣиъ, какъ около вечера безпрестанно переѣзжаютъ чрезъ Ангару карбазы, наполненные народомъ, и у всякаго въ рукахъ профей весны—букеты цвѣшовъ. Въ день Троицы и Духовъ день шоже многіе ѣздяиъ и ходяиъ гуляиъ за городъ. Мало завиваюиъ березку, и даже между проспымъ народомъ эиого обычая нѣиъ. Всѣ жишели Иркут-

ска, опть богатаго до бѣднаго, любяпъ гуляпъ за городомъ. Любимое гулянье простаго народа около Ушаковки, пошому чпо эпо мѣспю всѣхъ ближе къ городу. Если у кого нѣптъ лошади, шо все семейство, иногда и не одно, собираюпся въ Воскресенье или какой праздникъ гуляпъ на Ушаковку, пипъ чай и купаться. Всю ношу раздѣляютъ по часпямъ: одинъ несетъ самоваръ, другой чашки, претпй булки, калачи, пироги, ведупъ и несупъ дѣшей, пошому чпо почпи всѣ выбираюпся изъ дома, копорый запираюптъ, попросивши сосѣдей посмопръшь, или оспавляюптъ какую нибудь спаруху, говоря по-Сибирски: *домовничать*. Прежде на Ушаковку ѣздили гуляпъ многія хорошія фамиліи; но когда городъ распроспранился, шо эпо сдѣлалось народнымъ гуляньемъ. Многіе ѣздяптъ шуда-же, но подальше, купаться, пошому чпо вода въ Ушаковкѣ довольно тепла и, говоряпъ, здорова. На одномъ берегу Ушаковки, по дорогѣ къ деревнѣ Пивоварихѣ, были прежде дома кое-гдѣ, но теперь, говоряпъ, многіе тамъ поселились. Верспяхъ въ прехѣ опть города, по шой-же дорогѣ, еспъ архіерейскій загородный домъ и при немъ большой огородъ, съ разными овощами для семинарисшовъ. На другомъ берегу построено Адмиралшейство съ разными принадлежащими къ нему спроеніями; ближе къ городу мѣльница мукомольная и при ней мѣльница пильная. Де-

ревни Большая и Малая Разводныя находящіяся на берегу Ангары: первая въ девяти, а вторая въ семи верстахъ отъ города; далѣе по шумуже берегу деревни Щукина и Крыжановщина. Около этихъ мѣстъ, начиная отъ Большой Разводной, есть много острововъ, покрытыхъ лѣсомъ и кустарникомъ; тутъ родятся множествомъ голубицы, и пошуму лѣсомъ многіе изъ городскихъ жителей ходятъ туда за ягодами. Собираются обыкновенно артелями, съ тѣмъ, чтобы ночевать одну или двѣ ночи, называя это: *идти на ночеву за ягодами или за грибами*. Назадъ приплывающъ на лодкахъ съ большимъ запасомъ ягодъ. Мѣста, гдѣ были прежде винокуренные заводы, называютъ въ Иркутскѣ *Каштакъ*; ихъ три: ближній, средній и дальній. Я опишу послѣдній. Туда ѣздящъ иногда гуляшъ; но въ концѣ Іюля и въ Августѣ больше ѣздящъ, даже изъ богатыхъ домовъ, за грибами и особенно за рыжиками. Впрочемъ, это только предлогъ для гулянья. Да и въ самомъ дѣлѣ, мѣсто прелестное! Ключъ бьетъ изъ горы и вода въ немъ превосходная; внизу долина, по которой ключъ образуетъ ручей; кругомъ холмы, покрытые лѣсомъ. Вообще окрестности Иркутска прелестны, какъ сельская красавица; одна природа все украшаетъ, но какова эта природа! Мѣстами дремучіе лѣса, гдѣ вѣковыя деревья свалились отъ бури или грома, и лежавши

испѣли пакъ, чпо прикоснись, и они разсыпая-
юся прахомъ. Въ глубокихъ оврагахъ ключъ
не рѣдко образуетъ ручей, опушенный зеленымъ
мохомъ. Вопгъ узкая пропинка: она ведегъ васъ
въ гуспой лѣсѣ, гдѣ коренья деревь высунулись
изъ земли и, кажегся, свидѣгельсгвуютъ о
своей древности. При малѣйшемъ вѣтеркѣ въ лѣ-
су опдаегася какой-то гуль; кажегся, чпо эго
древнѣ священные лѣса, жилища Друидовъ. При
всемъ моемъ неискусгвѣ описывагъ, я не могу
воздержагся, чпобъ не описагъ нѣкопрыхъ
извѣстныхъ мнѣ окрестностей Иркутска.

Ситниковская заимка. Заимками называюгъ въ
Иркугскѣ дачи. Она была поспроена купцомъ
Сипниковымъ, послѣ смерти копорого жена
его пожертвовала ее въ казну. Эга заимка вер-
спахъ въ двадцати огъ города. Тутъ пеперь
и селенѣ дворовъ изъ десяти. Оно на горѣ, при
подогвѣ копорой поспроенъ домъ, со всѣми при-
надлежностями; передъ нимъ большой прудъ, гдѣ
выспроена мельница; кругомъ рисуогася горы,
покрыпыя лѣсомъ и кустарниками. Тутъ много
голубицы, дикаго розмарину и багульника.

Волчья падъ, верспахъ въ 20 огъ Иркутска.
Туда вѣдггъ за груздями, копорыхъ въ иные годы
родигся шамъ множесгво; пакже много голубицы.
Волчья падъ—узкая долина, и къ концу сходи-
гся клиномъ. Кругомъ ея горы, а въ долигѣ бѣжи-
гъ

узкая, но глубокая рѣчка, обросшая проспникомъ, и спруишся много прекрасныхъ ключей. Прежде были шупъ два зимовья, въ кошорыхъ жилъ угольщикъ, спарикъ Ельшинъ. Носился слухъ, что мѣспо эшо не совсѣмъ чисто. Лѣсной или лѣшій (его называютъ въ Иркутскѣ *лѣшакъ*) любилъ шупъ иногда подшучивашъ. Знакомые приходили къ угольщику ночевашъ и брашъ ягоды. Однажды набралось къ нему довольно дѣвицъ и молодицъ. Вечеромъ онъ расшупились во дворъ, начали дѣшъ пѣсни, хлопашъ въ ладоши. Спарикъ сердился, унимаетъ ихъ, говоритъ: «Полноше, не накличъше себѣ бѣды!» И вопъ онъ слышашъ хохотъ, хлопанье въ ладоши, и все эшо ближе, ближе. «Вопъ, не говорилъ-ли я вамъ? раздразили *хозяина!*» Вся молодежь шворишъ молишвы, убирается въ зимовье, и вопъ, мало по малу, шумъ ушихаетъ и удаляется. Но все эшо можно объяснишъ самымъ проспымъ образомъ: еспъ пакія мѣспа, гдѣ всякій звукъ повшоряетъся много разъ.

Пивовариха, деревня въ 9 верспахъ отъ Иркутска. Она лежишъ въ шакомъ мѣспѣ, что кругомъ нѣшъ близко селеній; отпвсюду непрходимые лѣса; мѣспами еспъ болоша, но еспъ и долины съ свѣшлыми испочниками. Никогда не забуду я одного прелесшнаго мѣспоположенія: долина вершпы на двѣ, и кругомъ шочно

искусная рука обсадила ее купами деревь-
евъ. Все это пространство покрыто голуби-
цею. Жители Пивоварихи мало съюсть хлѣба;
они жгутъ уголья и занимаются ловлею дичи-
ны и зайцевъ, спрѣляютъ бѣлокъ и дикихъ
козъ; женщины прядутъ *мотуузъ*.

Въ Сибири всѣ деревни обнесены огорожей,
которую называютъ *поскотиной*; нигдѣ нѣтъ
сомоленныхъ кровель и земляныхъ половъ; лѣсу
такое множество, что почитаютъ нужнымъ
вырубать его. Верстъ за 15 отъ города па-
кой лѣсъ, что годится на строеніе; его позво-
лено рубить всякому. Видъ изъ города черезъ
Ангару, по берегу Иркутска, очень красивъ; шумъ
видны, при подошвѣ горъ, покрытыхъ лѣсомъ, де-
ревни Медвѣдева, Глазкова, Кузьмиха, Жилкина.
Въ Жилкиной есть архіерейскій домъ, гдѣ лѣ-
помъ и живетъ Иркутскій Епископъ. Пройдя
города, за горою, рѣчка *Кая*; мѣстоположеніе
прекрасное, особливо весной, когда цвѣтеть че-
ремуха, которой шумъ множество.

Осень во всей Сибири есть время проспонарод-
ныхъ вечеринокъ, которыя тамъ называютъ *вечор-
ками*. Поводомъ къ нимъ служитъ рубленіе капу-
ссы, что и называютъ *капусткой*. Когда ка-
пуста срублена, привезена и посуда для нея
готовая, то назначали день рубить капусту.
Съ вечера ходили къ сосѣдямъ просить съчекъ и

къ знакомымъ звать на капустку. По утру обыкновенно собирались спарухи обѣдѣть капусту; она дѣлилась на разные сорпы: бѣлую, сѣрую (копорую памъ квасятъ, пересыпая ржаной мукой, и называющъ *кислы*); пласпинную (копорую пригошворяющъ для прѣсна и дней поспѣныхъ, оспавляя также кочаны на свѣжую) и шинкованную. Кпо приходилъ на капустку, пѣхъ называли капустницами. Приходя, всѣ поздравляли хозяекъ съ капусткой, какъ съ праздникомъ, и, въ самомъ дѣлѣ, онѣ къ этому дни варили пиво (копоре вѣ Сибири вообще очень хорошо). Обѣдъ бывалъ хорошій; но лучшее кушанье гоповилось къ вечеру, и было привилегированнымъ блюдомъ дня: эпо *пирогъ хлебальный*, начиненный капустой съ рублеными яйцами. Послѣ обѣда собирались молодые женщины и дѣвицы; мужчины приходили къ вечеру. Рубленіе сопровождалось пѣснями, а вечеромъ, когда все кончено, угощали чаемъ госпей; спарухъ и наспоящихъ работниковъ кормили ужиномъ, пошому чпо въ самомъ дѣлѣ для молодыхъ эпо была только предлогъ поплясать. И чпо за работницы нарядныя молодки, въ шелковыхъ перчаткахъ? Для дѣшей эпо бывалъ также праздникъ: имъ давали маленькія сѣчки, и, главное, они могли ѣсть, сколько угодно, кочарыжекъ. Послѣ чаю, дѣвицы, молодые женщины и мужчины начинали пляску; но эпо были не кад-

рили и мазурки, а національная наша Русская пляска. Очень часто плясали подъ пѣсни, играли *кругами*, * *олемъ*, *боярами*, *макомъ*, *съяли просо*. Все это оканчивалось ужиномъ. Иногда послѣ ужина еще плясали; но вопъ было счастье; если могли достать скрыпку! Скрыпачи обыкновенно бывали самоучки; я слыхала эпихъ самоучекъ; они играли съ голосу разныя пѣсни, и очень порядочно, вѣрно. Тогда можно было плясать даже *осмерку*, *шанецъ*, родъ горленки или горлицы; плясали его въ чепыре и восемь паръ.

По неимѣнію въ Иркутскѣ и во всей Сибири фруктовъ, домашнія заготовленія на зиму ограничивались огородными овощами, ягодами и разныхъ родовъ грибами, какъ-то рыжиками и груздями. Кромѣ того что собирали грузди, рыжики и всякіе грибы въ близкихъ отъ города мѣстахъ, изъ многихъ домовъ отправляли служителей довольно далеко, въ лодкахъ и на лошадяхъ. Самыя извѣстныя мѣста, куда ѣздили за грибами и ягодами: Успѣ-Балей, Успѣ-Кипой, Шведово зимовье, и Ошунъ, гдѣ была прежде мельница. Если былъ урожайный годъ, то возвращались съ грузами земныхъ произведеній. Изъ ягодъ заготовляли бру-

* Старинныя Русскія пѣсни помѣщены въ концѣ книги; равнымъ образомъ круговыя и разныя игры. Предоставляю ученымъ изысканія, когда и къ какому онѣ занесены въ Сибирь и къ какому времени относятся.

снику и голулицу; ихъ просто сохраняли до заморозовъ въ погребахъ, а послѣ замораживали. За брусникой отправлялись къ Байкалу и на *Гари*: такъ называютъ хребетъ горъ около Байкала, гдѣ проложена дорога кругомъ этого моря. Гарами называютъ ихъ пошому, что по причинѣ бывающихъ часно *паловъ*, то есть лѣсныхъ пожаровъ, тамъ цѣлые лѣса обгораютъ; это случается въ Сибири каждую весну: иногда отъ неосторожности проѣзжихъ, копорые, гоня себя пищу, оспавляютъ огонь не погашеннымъ, иногда отъ того, что выжигаютъ траву подъ пашню безъ надлежащихъ предосторожностей. Цѣлые лѣса горятъ такъ, что воздухъ наполняется дымнымъ запахомъ; огонь перебѣгаетъ, какъ лешучіе огненные змѣи, и клубится въ разныхъ видахъ. Вечеромъ это представляетъ великолѣпное зрѣлище. Гари оспаются совершенно необитаемыми. Хотя въ Швейцаріи и Савойи почти такіа-же мѣста, но тамъ все это обработано; у насъ, напротивъ, еще такъ мало населена Сибирь, эта прелестная, плодородная страна, что много есть очаровательныхъ и удобныхъ мѣстъ не заселенныхъ. На гарахъ множество чисыхъ источниковъ клубящъ свои воды; они въ этихъ необитаемыхъ мѣстахъ обросли кустарниками черной и красной смородины. Тамъ еще много водившихся медвѣдей и другихъ звѣрей; но жилили

Иркушка ѣздящъ шуда обыкновенно дней на десяць за брусникой, и вывозящъ ея каждою аршелью по 40 и болѣе ведеръ.

Въ Иркутскѣ нѣтъ шакъ называемыхъ кондитеровъ, копорые, избавляя хозяевъ опъ всѣхъ заботъ, договариваются за прислугу, дающъ на прокатъ споловое бѣлье, серебро, хрусталь и все, нужное для пира. Въ Иркутскѣ у кого нѣтъ всего нужного для угощенія, серебра и разной посуды, тѣ просящъ ихъ у знакомыхъ; и надобно сказащъ, что всѣ охотно ссужающъ другъ друга. Но всякій, кто можещъ, спараешся имѣщъ свое. Спобы гоповящъ болѣе женщины, копорыя извѣсны своимъ повареннымъ искусствомъ, и тѣмъ шолько живутъ, что на свадьбахъ, поминкахъ, именинахъ гоповящъ спобы. Поваровъ зовущъ рѣдко, и по болѣе когда приглашающъ на обѣдъ чиновниковъ. Офиціаншовъ ещъ нѣсколько человекъ изъ вольноопущенныхъ, копорые вездѣ прислуживающъ и тѣмъ живутъ. Музыку обыкновенно нанимающъ полковую. За 15 лѣтъ вольныхъ музыканшовъ не было порядочныхъ.

ПОЕЗДКА ВЪ КЯХТУ.

Въ 1804 году, по торговымъ обстоятельствомъ мужу моему нужно было ѣхать въ Кяхту; но какъ онъ располагалъ прожить тамъ болѣе года, то и рѣшено было ѣхать намъ вмѣстѣ. Не смотря на разлуку съ родными, я очень радовалась этому небольшому путешествію. Въ Сибири обыкновенно ѣздящъ на почтовыхъ лошадяхъ, или нанимающъ перемѣнныхъ (вольныхъ); но мы, не зная почему, поѣхали на долгихъ. Сначала наняли лошадей до Лисивяничнаго. Изъ Иркутска выѣхали мы 19-го Сентября вечеромъ и ночевали въ деревнѣ, верстѣ за 25 отъ города. Рано по утру мы опять пустились въ путь, и чрезъ нѣсколько часовъ открылась

передъ нами великолѣпная карпина взморья (такъ называется мѣсто, гдѣ Ангара вытекаетъ изъ Байкала). Тутъ находилась пристань купеческихъ судовъ и деревянная церковь во имя Николая Чудотворца *. Мы не остановились тутъ потому, что намѣрены были переправляться чрезъ Байкаль на казенномъ гальѣтѣ; но прѣхавши къ Лисвяничному, гдѣ по-же находилась нѣсколько домовъ и почтовая станція, прожили недѣлю за безвѣпріемъ. Хотя была осень и совершенное уединеніе отъ общества, но я не скучала и не могла насмотрѣться на прекрасное мѣстоположеніе. Съ одной стороны обширное пространство водъ, съ другой высокія горы, покрытыя лисвяницами; противоположный берегъ не всегда видѣнъ, но въ ясную погоду Забайкальскія горы бѣлѣются, какъ облака.

Повозки наши были перевезены на гальѣтъ; но мы возвращались сюда только къ ночи, и цѣлый день проводили на берегу. Я ходила по горамъ, окружающимъ Байкаль, и по лѣсамъ, гдѣ не встрѣпишься съ людьми, ибо селеній близко нѣтъ, а проѣзжихъ лѣшомъ и осенью мало, потому что многіе садятся на суда у Никольской пристани. Дней черезъ пять по прѣздѣ мы вы-

* Говорятъ, что теперь купечество, торгующее въ Кяхтѣ, намѣрено выстроить каменную церковь, и уже собрало для этого довольно большую сумму.

держали бурю; съ гальёну съѣхашъ было не лѣзя, и насъ качало двои супки. Машросы и пассажиры всѣ спрадали морскою болѣзнію, копорую шамъ называютъ *угаромъ*; но я не испытала этой непріятности: на меня качка судна не произвела никакого дѣйствія, и я, сидя въ повозкѣ, смотрѣла на кипящую бездну. Черезъ двои супки море (какъ шамъ называютъ Байкаль) успокоилось; къ ночи подулъ попутный вѣтеръ, и корабль полетѣлъ. Какая прелестная картина, когда корабль бѣжитъ на всѣхъ парусахъ, въ ясную ночь, и звѣзды горятъ на небѣ! Поушру мы были уже въ Прорвѣ, куда приспавлютъ суда; вышедши на берегъ, мнѣ долго казалось, что земля качается подъ ногами.

Мы перѣехали въ Посольскій монастырь. Тупъ, кромѣ монастыря, большое селеніе, въ копоромъ мы наняли лошадей до Верхнеудинска. Деревни за Байкаломъ довольно въ близкомъ разстояніи одна отъ другой, и естъ большія селенія; таковы: деревня Твараговая, Большая Заимка, Кабанскъ, Троицкій монастырь и проч. Какія прелестныя мѣста, какіе лѣса и прекрасныя пастбища! Намъ часто встрѣчались кочующія семейства Бурятъ, копорыхъ все богатство составляютъ табуны скопа. Уложивъ свои войлочные юрты на быковъ, они гнали свои стада. Буряты употребляютъ быковъ для работы и перевозки, а Рускіе въ Сибири никогда не дѣла-

юпть эшого. Подъѣзжая къ Верхнеудинску, оспанивились мы ночевать въ одной деревнѣ и нашли большое семейство. Убравши хлѣбъ, жипели заморья моюпть свои избы, шо еспть спѣсны и пополокъ, и можно сказапть, что у нихъ такая чиспопа, какую найдешъ развъ въ Голландіи. Изба хозяевъ нашихъ была большая, и все семейство пило кирпичный чай; эшо я видѣла еще въ первый разъ, попому что въ Иркутскѣ мало пьюпть кирпичнаго чаю. Я думаю, многіе не знаюпть, что такое кирпичный чай и какъ пригопавлиюпть его? Онъ вывозипся опть Кипайцевъ, на большія суммы, и его пьюпть Таттары, Буряты и Забайкальскіе Рускіе. Они такъ при-выкаюпть къ нему, что онъ дѣлается для нихъ необходимъ. Многія женщины сѣдаюпть даже лиспья чаю или выварки, копорья называюпся шара. Кирпичный чай имѣетъ видъ доски, длиною вершковъ семь, шириною пядь, а толщиною въ вершокъ. Цѣлый кусокъ его называется *кирпичемъ*; лиспья его, когда разваряпся, шакія же, какъ и у обыкновеннаго чая, только гораздо больше; но въ чаѣ, копорый извѣстенъ подъ именемъ байховаго, одни лиспья, а въ кирпичномъ цѣлыя вѣпки. Когда надобно упошребляпть эшопть чай, шо берупть кусокъ его, смопря по количеству, сколько хошяпть пригоповипть; спавляпть чугунку въ печь, и когда закипипть вода, шолкупть чай и кладупть въ кипяпкокъ; даюпть

еще кипѣтъ, попомъ кладутъ нѣсколько коровьяго масла, соли и попленаго молока. Когда все это хорошо уварится, разливаютъ чумичкою въ небольшія деревянныя чашки и пьютъ съ хлѣбомъ, *шаньгами* и пирогами. Говорятъ, что кирпичный чай очень здоровъ, и что къ нему привыкъ, нѣтъ предпочипающъ его лучшему байховому. Въ постѣ варятъ его съ шолчеными вмѣстѣ съ скорлупою кедровыми орѣхами, и съ шолченымъ коноплянымъ стѣменемъ, вмѣстѣ молока.

Въ Верхнеудинскѣ мы прожили одни сутки. Это хорошій городокъ. Рѣка въ немъ Уда; нѣсколько каменныхъ церквей; есть каменные дома, и вообще всѣ строенія хорошія. Тамошнее купечество торгуетъ въ Кяхтѣ и занимается торговлею пушныхъ товаровъ. Изъ Верхнеудинскѣ мы наняли лошадей до Кяхты. Погода была прекрасная. Селенгинскъ проѣхали мы не останавливаясь. Тутъ чаще начали намъ встрѣчаться кочевья Бурятъ. Остановясь въ одной деревнѣ ночевать, я узнала, что близко Бурятскія юрты. Мнѣ хотѣлось видѣть ихъ домашній бытъ и вошедши въ юрту, я нашла разведенный среди ея огонь, а на немъ чугунную чашу или лучше сказать копелъ съ приготовленнымъ купаньемъ. Около огня стояли ребятишки, совершенно нагіе; маленькій ребенокъ лежалъ въ зыбкѣ, завернутый въ овчины, и сосалъ кусокъ

баранины; масть его вблизи юршы доила коровъ. Буряшы смирны и рабопшцы; рѣдко случаетсѣ, чшобъ они понадались въ преспушленіяхъ.

Когда мы подѣхали къ Кяхшѣ, день былъ прекрасный. Гуляя, увидѣла я юршу и нашла въ ней нѣскольго женщинъ. Тушъ было довольно чиспо; въ споронѣ, на небольшомъ возвышеніи, спояли маленькіе деревянные болваны, а передъ ними въ мѣдныхъ чашечкахъ пшеница и вода. Одна спаруха Буряпка вынула лиспокъ шонкой бумаги, съ изображеніемъ на немъ безобразныхъ фигуръ и говорила мнѣ чпо-по; но я, не зная ни сколько языка ея, ничего не могла поняшъ, кромѣ слова *Бурханъ* (шакъ они называютъ своихъ идоловъ). Пошомъ спаруха взяла колокольчикъ и начала звонить. Не знаю, была-ли спаруха Шаманка, или принадлежала къ поколѣнію Ламъ, но мнѣ не случалось видѣшъ эшого въ другихъ юршахъ.

Наконецъ мы пріѣхали въ Троицкую крѣпость. Тамъ у насъ осмошрѣли сундуки и чемоданы. Послѣ эшого обряда мы заняли кварширу, гдѣ нужно было прожить нѣсколько дней до переѣзда въ торговую слободу. Нанявши шамъ кварширу, мы переѣхали на *Нижнюю плотину*: шакъ называютъ торговую слободу, гдѣ живутъ купцы, и нѣшъ иныхъ жителей, кромѣ пограничнаго начальника, да священника съ при-

чепомъ. Разспояніе между Верхнею и Нижнею площиною 4 версты. Мѣсто это совершенно пущое, и на немъ не позволяющъ селишься, чшобы отвращишь могущія бытъ злоупотребленія. Вскорѣ у насъ перебывали всѣ поргующіе Кипайцы. Они очень любопытны, и каждый хочеть видѣшь пріѣзжихъ. Мужъ мой бывалъ въ Кяхтѣ и прежде; пошому нашлись изъ нихъ знакомые ему. Многіе говорятъ о Кипайцахъ болѣе дурнаго, нежели хорошаго, но я не нахожу этого справедливымъ. Конечно я видѣла Кипайцевъ только поргующихъ въ Кяхтѣ, и не могу судишь о всей націи; но судя по видѣннымъ мною, они вѣжливы, умны, смѣсливы, хипры. Одежда Кипайцевъ: азямъ длинный, похожій на Ташарскій, по которому подпоясанъ кушакъ; за кушакомъ у каждаго кошелекъ съ шабакомъ, огниво и полошенье; сверху азяма курма, очень похожая на наши кацавейки, только съ широкими рукавами; на головѣ шапочка, зимою съ мѣховымъ околышемъ и съ красною кисью. Ткани употребляютъ они по соспоянню: у богатыхъ шелковыя и суконныя; у пѣхъ, копорыя бѣднѣе, кипайчашыя азямы; но курма почти всегда шелковая или суконная. Сапоги у нихъ съ полстыми бумажными подошвами; у нѣкопорыхъ башмаки, по-же съ полстыми подошвами, и спеганные чулки. Лѣшомъ они всѣ носятъ кипайчашыя длинныя плашья, подобныя дамскимъ

блузамъ, и соломенные шляпы; вѣчная ихъ принадлежностъ—прубка, или, какъ они называютъ, *ганза*. Трубки ихъ маленькія; у нѣкоторыхъ довольно длинныя чубуки. Кипаецъ вѣчно куристъ, идя по улицѣ и пришедши въ домъ. Не смотря на чинностъ и церемоніи Кипайцевъ, они не наблюдаютъ ихъ съ Рускими. Входя въ домъ, просто говорятъ: здравствуй, а нѣкоторые, очень знакомые, берутъ и жмутъ руку, попомъ сядяся, курятъ пабакъ и говорятъ между собою или съ хозяиномъ. Не знаю, правду-ли пишутъ о Кипайцахъ, что они придутъ въ госпи, и по окончаніи многихъ церемоній, посидѣвши, иногда молча расходятся; совсѣмъ напрошивъ въ Кяхтѣ: тамъ они очень говорливы, даже шусливы и оспроумны. Всѣмъ Рускимъ дають свои имена и рѣдко ошибуся въ характеръ человека. Вотъ нѣкоторые: *жельзный громъ*, *чортъ Капитанъ*, и разныя другія. Съ Рускими говорятъ они изломанымъ Русскимъ языкомъ, но, привыкнувши, можно хорошо понимать ихъ.

Очень пріятно слышать, что купцы, торгующіе въ Кяхтѣ, учатъ нынѣ дѣшею своихъ Кипайскому языку; это должно облегчить торговля сношенія. Кипайцы съ уваженіемъ обходяся съ спаршими. Когда приходитъ спарикъ, то молодые уступаютъ ему мѣсто. Такое уваженіе, особливо въ родствѣ, просширается да-

же за предѣлы жизни. У Кипайцевъ праурный цвѣтъ бѣлый. Пошерявшіе опца или мапъ носятъ прауръ при года, мало по малу сокращая его; послѣдній годъ носятъ сѣрое плащье. Если умеръ дальній родсвенникъ, то носятъ бѣлый поясъ и бѣлые чулки. Кипайцы очень любятъ и ласкаютъ маленькихъ дѣтей; вѣроятно, это попому болѣе, что они живутъ въ Кяхтѣ безъ семействъ. Въ Маймачинѣ нѣтъ ни одной женщины. Кушанье готовятъ у нихъ повара. Они не любятъ неопрятныхъ женщинъ, говоря: *она адали маши*, то есть: она почто кухарка. Имъ странно, что женщины наши пишутъ. Однажды увидѣли они, что я пишу, и сказали: *а! ты еще пишеша умѣша*. Удивлялись также, что часто заспавали меня съ книгой и говорили: *ты всегда книга почитай*. У меня было между Кипайцами нѣсколько чловѣкъ хорошо знакомыхъ, копорые приходили въ мою комнату и сживали памъ. Особенно два почтенные спарика очень любили меня; у обоихъ изъ нихъ были замужнія дочери, и они говорили со мной о своихъ семействахъ. Одинъ знакомый нашъ Кипаецъ, почтенный чловѣкъ, былъ пакъ огорченъ, получивши извѣстіе о смерти двухъ дѣтей своихъ, что долго не выходилъ никуда, да и спустя долгое время печаль выражалась на лицѣ его.

Живши въ Кяхтѣ, мы должны были очень

рано вспавашь, пошому чпо по пробивші упренней зари Кипайцы выходятъ изъ Маймачина и идущъ ко вѣмъ знакомымъ. Хопя не во всякомъ домѣ естъ имъ надобность, но они придущъ, сидящъ, говорящъ, кураящъ шабакъ; ихъ не лзя принимащъ по выбору. Мѣлочники ихъ рѣдко ходящъ по хорошимъ купеческимъ домамъ, кромѣ нѣсколькихъ поргующихъ мѣлочами. Эпи обыкновенно приносящъ шелкъ сученый и пѣневой для шипья гладью, карпинки, куклы, каменные колечки, будумиловые духи въ подушечкахъ, вѣера, деревянные и фарфоровыя чашки, благовонныя чешки, и множество другихъ мѣлочей, изящныхъ въ своемъ родѣ.

Я упоминала выше, чпо въ Иркутскѣ, 15 лѣтъ назадъ, можно было найдти вѣ наряды, копорые носили наши прабабушки лѣтъ за 50 и болѣе; но теперъ все испребляется; даже названія нарядовъ, я думаю, скоро исчезнутъ, и пошому для любопытныхъ прилагаю слѣдующій рееспрь. Эпо названія спаринныхъ нарядовъ и употребляемыхъ на нихъ машерій:

Роброны.

Фуро.

Сершучки.

Шлафроки.

Круглыя плашья.

Молдаванскія плашья.

Кунпуши.

Шушуны длинныя.

Шушуны съ лифомъ и съ маленькимъ воропникомъ.

Коффы разныхъ фасоновъ.

Тълогрѣйки.

Фалборы (это родъ сарафана).

Къ тѣлогрѣйкамъ, шушунамъ и кофшамъ принадлежали:

Юпки.

Юпки иногда къ верху наспавляли другой матеріей, похуже, потому что подъ шушуномъ не видно было этого; такую наспавку называли фурмою.

Шубы. Епанча или манпилия. Онѣ дѣлались на мѣху, съ широкою опушкою и съ круглою пелеринкой.

Шуба *гречанка*, длинная, по-же съ круглою пелеринкою и съ длинными, довольно широкими рукавами.

Польки, съ рукавами и небольшимъ воропникомъ; но ихъ не надѣвали въ рукава, а просто накидывали на плеча.

Тулупчикъ, шуба съ длинными рукавами и небольшимъ воропникомъ; она не много подлиннѣе колѣна.

Шубочка, корошенькая, какъ нынѣшнія канцвейки, только съ длинными рукавами.

Салопы вспарину были не много длиннѣе колѣна, съ небольшимъ капишономъ.

МАТЕРІЯ ДЛЯ ПЛАТЬЕВЪ.

Разныя парчи.

Шпофы разные.

Шпофъ Кишайскій по апласу.

Шпофъ букешовый.

Шпофъ браже.

Шпофъ по саржирону.

Шпофъ Французскій.

Апласы разные съ мушками.

Полосатые, правчатые.

Насышъ, родъ легонькой парчи.

Бархатъ съ золошомъ.

Бархатъ рышый, то естъ съ узорами.

Бархатъ гладкій.

Люспринъ.

Гризепъ.

Объари писненныя и полуобъари.

Перуанъ.

Перюсинъ.

Гризенпинъ.

Голи разные, мѣлкоправчатые и съ большими узорами

Юпки Кишайскія шипыя.

Юпки Кишайскія рисованныя.

Гургуранъ.

Гарнишуръ Нѣмецкій и Кишайскій.

Канфы, родъ апласу—широкая и очень плотная матерія.

Канчи, родъ леваншину; по-же очень прочныя.

Лензы, легонькій апласъ.

Флеры разные.

Флеръ свистунъ.

Флеръ рисованный.

Фанза, Кишайская матерія, гладкая и черенковая, родъ тафшы, но моеется, очень хороша и удивительно крѣпка. Ее употребляли на спеганіе; дѣлають изъ нея одѣялы, юпки спеганныя, рубашки мужскія и женскія.

Урубокъ, матерія, кошую Кишайцы дѣлають изъ крапивы.

Чанчи, янчи и менчи дѣлаются изъ шелку не самаго лучшаго.

Тафшы Французскія и Нѣмецкія, волнистыя и полосатыя.

Кишайки разныхъ родовъ.

Дабá, бумажная матерія, разныхъ родовъ Бѣдные употребляютъ ее на рубашки мужскія и женскія, на юпки, шѣлогрѣйки и на подкладку.

ПѢСНИ СВАДЕБНЫЯ.

1.

Пѣсня, когда посадятъ жениха съ невѣстой за столъ.
Она поется въ сговоръ, дѣвичникъ и свадьбу. Первый
спихъ поется дважды, второй однажды, третій опятьъ
дважды, четвертый однажды, и такъ далѣе.

Гдѣ былъ лебедь,
Гдѣ лебедка была?
Лебедь былъ
На синемъ морѣ;
Лебедка была
На пихихъ заводяхъ.
Нынче они
На одномъ заводѣ,
Нынче они
Одну швабру клюютъ;

Нынѣче они
 Одну воду пьюшъ.
 Гдѣ былъ Антонъ,
 Гдѣ Ивановичъ былъ?
 Антонъ сударь былъ, Ивановичъ былъ
 Въ каменной Москвѣ.
 Акинѣя росла, Павловна росла
 Въ высокомъ шерему.
 Нынѣче они
 За однимъ столомъ сядяшъ,
 Нынѣче они
 Одни ѣшвы ѣдяшъ,
 Нынѣче они
 Одну рѣчь говоряшъ.

По пропѣшій пѣсни жениху и невѣстѣ, поюшъ по порядку: сначала опцу женихову, пошомъ прочимъ гостямъ; сначала мужчинамъ, пошомъ женщинамъ.

2.

Ужъ какъ по лугу, лугу, *
 По зеленому лугу,
 Туда шли, прошли при рошы,
 Три военныя силы;
 Попередъ идешъ рошы
 Господинъ Полковникъ,
 Какъ Иванъ, сударь, Полковникъ,
 Какъ Пепровичъ Полковникъ;

* Къ каждому стиху пригѣвъ: *оре-диди*.

На немъ шуба соболья.
 Ужь какъ люди-то спросятъ:
 Тебя кто шубой дари́лъ,
 Или шесць, или шеща,
 Или милая Ла́да?
 А Иванъ, сударь, скажешъ,
 А Пешровичъ-то скажешъ:
 Чшо не шесць шубой дари́лъ
 И не шеща дарила,
 И не милая Лада,
 И дарилъ меня шубой
 Государь Императоръ
 За мою службу вѣрну,
 За мою неизмѣнну;
 Я полки собираю,
 Я другіе сряжаю,
 А шрешьи ошправляю.

3.

Какъ не яхонтецъ по горницѣ кашился,
 Не жемчужина за яхонтомъ кашилась;
 Какъ Пешръ, сударь, на сговорѣ снаряжался,
 Алексѣвичъ на веселое снаряжался;
 Хорошо его молода жена снаряжала,
 Гребешкомъ ему черныя кудри причесала,
 Жестокó ему Авдошья наказала,
 Жестокó ему Андреевна наказала:
 Ужь ты будешь-ли Пешръ, сударь, на сговорѣ,
 Ужь ты будешь-ли Алексѣвичъ на веселомъ?
 Ужь какъ будешь тебѣ дѣвицы пѣсни пѣши,

Какъ по имени себя спанушъ называши,
 По изочесству себя спанушъ величаши:
 Ты дари-же, сударь, двѣицъ не скупися,
 А дари, сударь, червонцами золошыми.

4.

Не бушуй, не бушуй
 Холодѣнь въперъ,
 Не раскачай, не раскачай
 Звонка колокола,
 Не попусти, не попусти
 Звѣну по землѣ,
 Не разбуди, не разбуди
 У Машвѣя жену,
 Не разбуди, не разбуди
 У Васильевича,
 Свѣшъ душу Анну, свѣшъ душу Анну Ивановну.
 Вечоръ она, вечоръ она
 Во компаньи была,
 Къ ушпру бѣлѣ свѣшу, къ ушпру бѣлѣ свѣшу
 Сына породилъ,
 Въ шо время его, въ шо время его
 Не случилось въ дому,
 Въ шо время его, въ шо время его
 Царь жаловалъ:
 Тремя городами, шремя городами,
 Тремя спольными.
 Въ первомъ городѣ, въ первомъ городѣ,
 Тушъ вина курашъ,

Во вшоромъ городу, во вшоромъ городу,
 Тупъ пива варяшъ,
 Въ шрешемъ городу, въ шрешемъ городу,
 Тупъ дия крешяшъ.

5.

Въ зеленомъ-шо саду груша
 Зашумѣла, зашумѣла.
 Ошъ чего-же въ саду груша
 Зашумѣла, зашумѣла?
 Какъ повѣяли шонкіе, буйные
 Вѣшперочки, вѣшперочки.
 У Михайла въ дому радосшъ
 Учинилась, учинилась,
 У Ивановича въ дому радосшъ
 Учинилась, учинилась.
 Ошъ чего-же въ дому радосшъ
 Учинилась, учинилась?
 Молода его жена сына
 Породила, породила,
 А свѣшъ Ѳедосья, душа, сына
 Породила, породила,
 Свѣшъ Пешровна душа
 Сына породила, породила.

6 *

Среди двора,
 Среди широка,

* Пѣніе стиховъ по одному и по два раза, какъ въ первой пѣснѣ.

Свѣта Сергѣя
 Степановича,
 Выросло
 Золотое шычье,
 Вывился
 Бѣлояровый хмѣль,
 Вырвался
 Его добрый конь,
 Вышоппалъ
 Бѣлояровый хмѣль,
 Выломалъ
 Золотое шычье.
 Всплечешся, вспужишся
 Аграфена душа,
 Всплечешся, вспужишся
 Свѣтъ Григорьевна.
 Тѣшишъ ее, пѣшишъ ее
 Свѣтъ Степанъ господишъ,
 Тѣшишъ ее, пѣшишъ ее
 Свѣтъ Васильевичъ:
 Не плачь, не шужи,
 Аграфена моя ,
 Не плачь, не шужи
 Свѣтъ Григорьевна,
 Выросшешъ
 Золотое шычье,
 Вывьешся, вывьешся
 Бѣлояровый хмѣль:
 Будемъ мы жить
 Лучше прежняго.

Дорогая наша гостейка,
 А свѣшъ Марья, душа Ивановна,
 На добрыхъ коняхъ прїѣхала,
 Во апласть она, во бархашъ,
 Собольми гостья обѣшаная,
 Жемчугомъ гостья унизаная.
 Вы берите шое гостейку,
 За ея-шо ручки бѣлыя,
 За ея-шо перспни злачѣныя;
 Вы ведите шое гостейку
 Во споловую новую горницу;
 Вы садите шое гостейку
 За сполы-шо, за дубовые,
 Вы за скашерши, за браныя,
 Вы за ѣспва, за сахарныя,
 Вы за пишья, за медвяныя.
 Ты покушай наша гостейка,
 У любезнаго у свашушки,
 У любезной своей свашьюшки.

(Эта пѣсня поется женщиной замужней, у
 кошорой есть дѣти).

Ужь-какъ по сѣнямъ, сѣнямъ, *
 По часшымъ переходамъ,

* Припѣвъ: *оре-диди* повторяется послѣ каждого стиха.

Туда ходила, гуляла
 Дорогая боярыня,
 Свѣшъ Ташьяна Васильевна.
 Во рукахъ носишъ блюдо;
 Какъ на зѣлошъ блюдѣ
 Три яхонта червленны.
 Ужъ какъ первый-то яхонтъ
 Свѣшъ Прокопій Спешановичъ,
 А вшорой-то яхонтъ
 Свѣшъ Иванъ сударь Прокопьевичъ;
 А шрешій-то яхонтъ
 Свѣшъ Василій Прокопьевичъ;
 А какъ зѣлошо блюдо
 Свѣшъ Ташьяна Васильевна.

9.

А свѣшъ Аннушку машушка,
 Свѣшъ Пешровну родимая,
 Въ раннюю зорю ее породила,
 Въ Воскресенскую зашреню;
 Малиною ее пѣрила,
 Молочкомъ ее умывала,
 А сама-то приговаривала:
 Ты роспи, роспи, мое дѣшашко,
 Ты, умное дѣшя, разумное,
 Да шы счасшливое, шаланливое!
 Отцу машери на чесшъ, на хвалу,
 Роду племени на зѣвидосшъ.

10.

Свѣшъ Марьюшка по двору ходила,
 Свѣшъ Андреевна по широку гуляла,
 Соболиная на ней шубочка до полу,
 Божья на ней милосшъ до вѣка;
 Люди-шо сприсяшъ: чья эшо шакая?
 А Данило, сударь, молвишъ,
 А свѣшъ Дмишревичъ молвишъ:
 Госпожа моя Марья,
 Боярыня моя Андревна.
 Богъ мнѣ далъ шакую,
 Умную, разумную,
 Счастливую, шаланливую.

11.

(Поешся про молодыхъ неженашыхъ муж-
чинъ).

Алексѣй господинъ
 На справѣ. 2.
 Свѣшъ Павловичъ
 На муравѣ. 2.
 Онъ зеленъ сафьянъ сапогъ
 Надѣваетъ. 2.
 Онъ самъ на себя
 Озираетъ. 2.
 Ахши молодецъ
 Хорошенекъ, 2.
 Ахши молодецъ
 Пригоженекъ. 2.

Какъ умѣлъ онъ у башюшки

Родиться, 2.

У родимой мапушки

Снарядиться; 2.

Онъ гораздъ изъ шуга лука

Спрѣляши, 2.

Гусей, лебедей

Побиваши, 2.

Государю Царю

Ошсылаши; 2.

А за то Государь Царь

Его любишь, 2.

По головущкѣ

Его гладить. . . . 2.

12.

(Также про молодыхъ и неженатыхъ).

Зачѣмъ, соловей, 2.

Ты одинъ во саду?

Право, не одинъ: 2.

Господь Богъ со мною;

Много со мной 2.

И гусей, лебедей;

Больше того 2.

Мѣлкихъ пшашечекъ;

Только со мной нѣтъ 2.

Бѣлой лебедушки.

Гдѣ ей ни бышь, 2.

А ей бышь у меня.

Зачѣмъ Григорій,
 Зачѣмъ Ивановичъ,
 Одинъ въ перему?
 Право не одинъ: 2.
 Господь Богъ со мною;
 Много со мной 2.
 И Князей и бояръ;
 Больше того 2.
 Княжескихъ дѣшей;
 Только со мной нѣтъ 2.
 Моей суженой,
 Только со мной нѣтъ 2.
 Моей ряженой.
 Гдѣ ей ни бышь, 2
 А ей бышь у меня.
 Чьей ей ни слышь, 2
 А ей слышь моею.

(Когда пропоюшъ пѣсни всѣмъ госпямъ, шо
поюшъ пѣсни певѣсмъ).

13.

Ахъ, ты, солнце, солнце красное!
 Ты къ чему рано закатаешься,
 Ты за горы, горы высокія,
 Ты за лѣсы, лѣсы шемные!
 Ахъ, ты свѣтъ-шо наша подруженька,
 Ахъ, ты свѣтъ-шо наша голубушка,
 Аграфена, свѣтъ, Григорьевна!
 Ты къ чему рано за мужъ пошла?

Ты къ чему рано задумала,
 За дороднаго добраго молодца,
 За Семена свѣшъ Андреевича!
 Недозрѣлая въ полѣ ягодка,
 Недорослая красная дѣвица,
 Не накопила ты ума, разума!
 Ахъ! вы, свѣшъ-шо, мои подруженьки!
 Ахъ! вы, свѣшъ-шо, мои голубушки!
 Не сама-шо я за мужъ пошла,
 Не сама-шо я задумала,
 Не своей волей, охотою:
 Ошдаешъ меня сударь башюшка,
 Свѣшъ Григорій, сударь, Карповичъ,
 Государыня родна мапушка,
 А свѣшъ Марѳа, душа, Ѳаддеевна,
 Присудили весь и родъ, племя.

14.

Я когда-шо была малешенька,
 Я когда-шо была глупешенька,
 Я ходила кругомъ лавочки,
 Вкругъ дубовой-шо я причалинки.
 Доходила-шо я, красная дѣвица,
 До родимаго до башюшки,
 До Филиппа свѣшъ Пешровича;
 Да какъ бралъ меня сударь башюшка,
 На свои-шо ручки бѣлыя,
 Говорилъ-шо сударь башюшка:
 Ты росши, росши мое дышашко,
 Ты умное дышя, разумное,

Ты счастливое, шаланливое!
 Не опдамъ я себя, дияшко,
 Ни за Князя, ни за боярина,
 Ни за гостя, гостя торговаго!
 А шеперь на меня прогнѣвался;
 Опдаешъ меня во чужи люди,
 Ко чужому свекру башюшкѣ,
 Ко чужой свекрови машушкѣ.

15.

(Поешся свашу въ сговоръ и дѣвичникъ.)

Ахъ! вы пѣшухи, пѣшухи,
 Пѣшухи рано пѣвчіе,
 Молодые Нѣмецкіе!
 Вы не пойше по ушрѣ ранѣ,
 На зарѣ рано на ушренней,
 На всходимомъ красномъ солнышкѣ,
 Не мѣшайше спать башюшкѣ,
 Со родимой моей машушкой!
 Какъ вечеръ мой сударь башюшка,
 Онъ не спалъ долго вечеромъ,
 Чшо до самой до полуночи,
 Съ полунѣчи до заушрени.
 Пріѣзжали ко башюшкѣ
 Незваные госпи, нежданные,
 Свашовья все леспливые,
 Все леспливые, хваспливые;
 Вызывали моего башюшку,
 Со родимой моей машушкой,

На его сѣни новыя,
 На частыя переходянки;
 Они свашались у башюшки,
 Свѣшъ у Ѳедора Ивановича,
 На любимой его дочери,
 А свѣшъ Марьѣ душѣ Ѳедоровнѣ;
 Они били руки объ руки,
 Подымали чудны образы,
 Зажигали восковы свѣчи,
 Заручали буйну голову,
 Буйну голову Марьину,
 А свѣшъ Марьи, души Ѳедоровны,
 Чтобъ не выкупишь, не выручишь,
 Чшо ни злашомъ, ни сѣребромъ,
 Дорогимъ, скапнымъ жемчугомъ;
 Только выкупишь, выручишь,
 Удалой доброй мѡлодецъ,
 Свѣшъ Прѣкофій Ивановичъ,
 Все опъ сваша леспливаго,
 Опъ злодѣя лукаваго.
 Синѣ море всколебалосѣ,
 Тѣмны лѣсы приклонилисѣ,
 Быспры рѣки помушилисѣ.

(Въ продолженіе времени между свадьбою и
 сговоромъ, когда пріѣзжаетъ женихъ къ не-
 вѣстѣ, поюшъ слѣдующія пѣсни):

16.

Не зычи, гоголь, 2.

Не высоко лешишь; 2.

Хошя нѣ высоко, 2.
 По поднѣбесью лѣчу. 2.
 Не плачь, душа Дарья,
 Не плачь, душа Пештровна;
 Не далѣко за мужъ опдаюшъ;
 Хошя нѣ далеко, 2.
 Прочъ опъ башюшки везушъ. 2.

17.

Я войроманъ сѣяла, я васильчики сѣдила.
 Какъ повѣдился въ войроманъ гуляшъ
 Удалой, добрый молодецъ,
 Какъ по имени Василій господинъ,
 По опечесшву Ивановичъ;
 Всю войроманъ вышоппалъ,
 Всѣ васильчики выщипалъ,
 Василису, душу, Сидоровну.
 Ужъ я спану брашцу жаловашъся,
 Свѣшъ Машвѣю Сидоровичу;
 Какъ опвѣшъ держишъ Машвѣй господинъ,
 Опвѣчаешъ, свѣшъ Сидоровичъ:
 Государыня сесприца!
 Самъ я холосшъ, не женашъ,
 Самъ я войроманъ шопчу,
 Самъ васильчики щиплю,
 Самъ красныхъ дѣвицъ смошрю.

18.

Вы мешишеся улицы,
 Вы мешишеся широкія,

Спановишеса гóродя,
 Городы́ съ пригорòдками,
 Теремы съ пришеремочками!
 Хоробрò ѣздишь Пешрѣ господи́нъ,
 Хоробро ѣздишь Ивановичѣ,
 На своемъ на добромъ на конѣ,
 На любимомъ своемъ бахмашѣ;
 Коня плешочкой поспегиваешь,
 Со дороженьки сворачиваешь,
 Ко двору́ приворачиваешь,
 Ко двору-шо, къ двору шѣшеву,
 Къ новой горницѣ, ко щещиной,
 Къ шерему-шо, свѣшъ, Авдошья души,
 Къ высокому, свѣшъ, Сшепановны.
 А ты спишь-ли, не спишь-ли, Авдошья моя,
 А ты спишь-ли, не спишь-ли, Сшепановна моя?
 Какъ ошвѣшъ держишь Авдошья ему,
 Ошвѣчаешь свѣшъ Сшепановна ему:
 Я еще, сударь, нѣ швоа;
 Я Божья, да свѣша башюшкина,
 Свѣшъ Сшепана Тимооеича,
 Государыни родной машушки,
 Аграфены, свѣшъ Семеновны;
 Я злашымъ вѣнцомъ не вѣнчаная,
 Злашымъ персшнемъ не обрученая.

19.

Какъ во свѣшлой во свѣшлицѣ,
 Во споловой новой горницѣ,
 Какъ въ куши, за занавѣсой,

Тупъ сидѣла красна дѣвица,
 Свѣшъ Машрена Архиповна;
 Подняла кушъ занавѣсу,
 Какъ взвела очи ясныя,
 Какъ по всей свѣшлой свѣшлицѣ,
 По споловой новой горницѣ;
 Какъ увидѣла, обѣзрила
 Своего брата родимаго,
 Свѣшъ Ивана Архиповича.
 Государь, братецъ миленькій,
 Свѣшъ Иванъ, сударь, Архиповичъ!
 Ты поди, братецъ миленькій,
 Ты на свой на конюшій дворъ;
 Поймай, братецъ миленькій,
 Своего коня добраго,
 Своего иноходаго;
 Осѣдай, братецъ миленькій,
 Во сѣделушко Черкасское,
 Во уздечку шелковую;
 Поѣзжай, братецъ миленькій,
 Ты во далече въ чистое поле,
 Въ раздолье широкое;
 Засѣки, братецъ, засѣку
 Ошъ Воспока до Запада,
 Ошъ земли да и до неба,
 Ни пройди-бы, ни проѣхати,
 Чшо ни конному, ни пѣшему,
 Чшо ни спарому, ни малому,
 Ни большому, ни среднему,
 Ни моему-шо суженому,
 Ни моему-шо ряженому,

А свѣтъ Дми́трію Ива́новичу,
 Со своимъ скрушнымъ потѣдомъ;
 А опшуда, брашецъ миленкій,
 Потѣжай, брашецъ миленкій,
 На кружало Государево;
 Ты спроси, брашецъ миленкій,
 Ты у спараго, у малаго,
 У большаго, у середняго,
 Про моёго-шо суженаго,
 Про моёго-шо ряженаго,
 Свѣтъ про Дми́трія Ива́новича:
 Онъ не пьешъ-ли пива пьянаго,
 Зелена вина двоенаго?
 Не играешъ-ли костью, каршами,
 И во всю игру Нѣмецкую?
 Вамъ опдашь-бы, да не каяшься,
 А мнѣ жишь-бы, да не плакаешься,
 Не сидѣшь-бы долго вечеромъ,
 Чшо до самой до полуночи.

ПѢСНИ, ПОДЪ КОТОРЫЯ ПЛАСЫВАЛИ НА ВЕЧЕРИНКАХЪ.

1.

Во саду было, подъ яблонью,
 Во зеленомъ, подъ кудрявою,
 Соловей воцекѣчешъ,
 Молодой воцекѣчешъ.

Въ шерему-шо
 Свѣшъ у Марьи души,
 Въ високомъ-шо у Ивановны,
 Красны дѣвицы играють.
 Ужь ты слышишь-ли,
 Марья душа,
 Ужь ты слышишь-ли, Ивановна?
 Тебя башюшка кличешъ,
 Тебя свѣшъ родной кличешъ!
 Охъ! вы свѣшъ-шо мои подруженьки,
 Зачѣмъ раньше не сказали,
 А я право не слыхала.

2.

У души красной дѣвицы
 Новый огорбдецъ,
 Новый, новый огородецъ,
 Часшой часшокдлецъ;
 Пошашлся, повалился,
 Къ землѣ приклонился.
 Опъ шого-же опъ тынѣчка.
 Лежашъ при слѣдочка,
 Три слѣдочка, два слѣдочка
 Снѣжкомъ призапали,
 Про меня, красну дѣвицу,
 Нѣбыль наказыали.
 Нѣбыль, нѣбыль, небылицу,
 Не былия рѣчи:
 Будшо я, красна дѣвица,
 Порану всшавала,

По ушру рано всшавала,
 Голову чесала,
 Ру́су ко́су заплешала,
 Леншочку вплешала,
 Друга провожала;
 Проводила ми́ла дру́га
 До зелéна луга,
 До зеленого лужечка,
 До полу - дорóги;
 Со полу-шо я дорожки
 Домой ворошилась,
 Назадъ, назадъ ворошилась.
 Съ милымъ не просшилась.

3.

Изъ бору, бóру,
 Изъ зеленáго,
 Сшучала, гремѣла
 Быстрая рѣчка.
 Обросшала быстра рѣчка
 Калиной, малиной.
 На калиновомъ мостѣчкѣ
 Сидѣла голубка,
 Нòженьки мыла,
 Перемывала,
 Свое сизо пѣрышко
 Пѣребирала.
 Перебравши сизо пѣрье,
 Сама взворковала:
 Зávшра, по ушру
 Батюшка будешъ;

Хоть онъ будешъ, аь не будешъ,
 Тоски не убудешъ,
 Въ двое, въ шрое у голубки
 Печали прибудешъ.

4.

Окола сыраго дуба *
 Распелъ чернь черница,
 А во шой-ли во черницъ
 Черенъ собоь скачешъ;
 Поскачи, поскачи собоь
 По чистому полю,
 Поплови, поплóви ушя
 По шиху Дунаю;
 Ищи себъ друга,
 Котораго любишь.
 Скачише, вы, дѣвушки, пляшите,
 Вы, холостые, не смòтрите,
 Смòпрючи дѣвушку не взяши,
 Взять, не взять по любви,
 По бáпюшкину благословенью,
 По мапушкину умоляню.

* Каждый стихъ повторається.

ПѢСНИ КРУГОВЫЯ.

1.

(Одинъ ходишь и поешь. Кого онъ называетъ по имени, шъ къ нему приспаяюшь, покуда всѣ играющіе не соберутся. Тогда начинаюшь другія игры).

Чижикъ, пыжикъ у ворошъ,
 Воробушекъ маленький!
 Ахъ! брашцы, мало насъ,
 Голубчики, нѣмножко!
 Въ хороводъ людей мало,
 Веселишься не съ кѣмъ спало.
 Ахъ! брашцы, мало насъ,
 Голубчики, нѣмножко!
 Максимъ, сударь, поди къ намъ,
 Егоровичъ приспустись!
 Ахъ! брашцы, мало насъ,
 Голубчики, нѣмножко!

2.

(Всѣ играющіе спановяшся въ кружокъ. Одна дѣвушка посрединѣ круга; мужчина ходишь во-кругъ и поешь).

Царевъ сынъ хороберъ,
 Да шы чшó ходишь, гуляешь,

Царевъ сынъ хоробѣръ,
 Да шы что примѣчаешъ.
 Царевъ сынъ хоробѣръ.

★

Я хожу, хожу, гуляю,
 Я хожу, примѣчаю,
 Да свою я Царевну,
 Да свою Королевну.
 А моя-шо Царевна,
 А моя-шо Королевна
 Въ Новъ-городъ гуляешъ,
 На ней вѣнчикъ сіяешъ,
 Сарафанъ на ней камчатный.

★

Ты войди, Царь, во городъ,
 Ты возьми ее за ручку,
 Поклонишесь низенько,
 Поздоровайшесь миленько.

3.

Ходишь Царь
 Около города,
 Около висока;
 Ищешъ Царь,
 Ищешъ Царь
 Царевну свою,
 Королевну свою.

4.

Я хожу, хожу
 Кругомъ города,
 Я сѣку, рублю
 Мечёмъ вороша,
 Ещё все-ли я
 Красну дѣвицу ищу;
 Ещё гдѣ я
 Красну дѣвицу найду,
 Тушъ ее
 Злашымъ перспнемъ подарю.

5.

Заплешися, плешень, заплешися,
 Ты завейся, шруба золошая,
 Завернися, камка хрущашая!
 Ужъ какъ сѣрая упица
 Попопила малыхъ дѣшушекъ,
 Во меду, да во пашокъ,
 Да во ѣспивъ сахарномъ,
 Да во пишъ медвяномъ.

6.

Подъ коренемъ олень,
 Да подъ дубовымъ олень.
 Тепло-ли ше, олень?
 Спудено-ли ше, олень?
 Мнѣ не шо шепло,
 Мнѣ не шо спудено.

Приодѣнься олень,
 Приокушайся.
 Какъ со дѣвушки вѣнокъ,
 Со молодунки плашокъ,
 Со старой бабы шлыкъ,
 Со малаго ребеночка пеленочка,
 Съ мужичка, бурлачка,
 Поль-корабличка.

(Кто сидишь въ кругу оленемъ, шопъ собираешь со всѣхъ плашки, леншы, и когда соберешь со всѣхъ, то ему поюшь).

Сиди, сиди, ящеръ — ладу́, ладу́!
 На золошъ шулъ — ладу́, ладу́!
 Грызи, грызи ящеръ — ладу́, ладу́!
 Орѣховы ядра — ладу́, ладу́!

7.

(Играющіе раздѣляются на двѣ стороны).

1.

Бояре! да вы по чшо́ пришли?
 Молодые, да вы по чшо́ пришли?

2.

Княгини! да мы невѣсшъ смопръшь!
 Молодые, да мы невѣсшъ смопръшь!

1.

Бѡяре! покажи́ше жени́ха,
Молоды́е, покажи́ше жени́ха.

2.

Кня́гини! во се на́шѣ жени́шокъ!
Молоды́я, во се на́шѣ жени́шокъ.

1.

Бѡяре! покажи́ше кафша́нѣ,
Молоды́е, покажи́ше кафша́нѣ.

2.

Кня́гини! во се на́шѣ кафша́нѣ!
Молоды́я, во се на́шѣ кафша́нѣ.

1.

Бѡяре! покажи́ше куша́кѣ,
Молоды́е, покажи́ше куша́кѣ.

2.

Кня́гини! во се на́шѣ куша́кѣ!
Молоды́я, во се на́шѣ куша́кѣ.

1.

Бѡяре! покажи́ше сапо́ги,
Молоды́е, покажи́ше сапо́ги.

2.

Кня́гини! во се на́шѣ сапо́жокѣ,
Молоды́я, во се на́шѣ сапо́жокѣ.

Бояре! поздравашья!
Молодые, со всѣмъ повѣдомъ!

ЗОЛОТО ХОРОНИТЬ.

И я золошо хороню,
Чиспо серебро хороню;
Я у башюшки въ шерему́,
Я у машушки въ высòкомъ.
Палъ, палъ першень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Гада́й, гада́й, дѣвица,
Въ чужой рукѣ бы́лица.
Еще дѣвицы гадали,
Еще красныя гадали,
Да не опгадали.
Очу́пился першень
Да у дворянина, да у молодого,
На правой на ручѣ,
На лѣвомъ мизинцѣ.
Черезъ поле идучи,
Русу ко́су плешучи,
Шелкомъ приплеша́ючи,
Злашомъ увива́ючи.
Куда ушка шла,

Туда пылъ прошла;
 Куда я молода,
 Туда рожъ гуспа:
 Овиништа, примолѡшиспа,
 Еще изъ зерна коврига,
 Изъ полузерна пирогъ,
 Въ голенище широкъ,
 Въ шопорище высокъ.

ПѢСНИ ПОДБЛЮДНЫЯ.

1.

ПѢСНИ ХЛѢБУ И СОЛИ.

Хлѣбу, да соли дологъ вѣкъ, слава!
 Государю нашему долъ шого, слава!
 Государь нашъ не спарѣется, слава!
 Его добрые кони не ѣздяпся, слава!
 Его цвѣшное плашье не носипся, слава!
 Его вѣрные слуги не спарѣюпся, слава!

2.

Еще ходитъ Никола по погребу, слава!
 Еще ищетъ Никола не полного, слава!

Чшо не полного, не покрышаго, слава!
 Еще хочешъ Никола дополниши, слава!
 Да кому мы спѣли, шому добро, слава!
 Кому вынешся, скоро сбудешся, слава!
 Скоро сбудешся, не минуется, слава!

3.

Еще на небѣ
 Да двѣ радуги,
 Какъ у нашего хозяина
 Двѣ радости:
 Еще первая радость —
 Сына женилъ,
 А другая-то радость —
 Дочь за мужъ ошдалъ;
 Еще за сыномъ
 Корабли бѣгушъ,
 А за дочерью
 Сундуки везушъ.
 А кому мы спѣли, шому добро,
 Кому вынешся, скоро сбудешся,
 Скоро сбудешся, не минуется.

(Три послѣдніе стиха поюшся къ каждой пѣснѣ).

4.

Лѣнивая лѣнивица,
 Лѣнилася она
 Чашто по воду ходишь;
 Она щаяла снѣгъ

На печномъ сполбу;
 Она выпаяла
 Позолóшь персьень,
 Позолóшь персьень
 О шрехъ сшавочкахъ;
 Да кому эшимъ перспнемъ
 Обручашися?
 Еще ошроку съ ошрочицею,
 Добру молодцу со дъвицею.

5.

Курочка, погребушечка,
 Да греблася она на завалинкъ,
 Еще выгребла позолóшь персьень,
 Позолóшь персьень о шрехъ сшавочкахъ.
 Да кому эшимъ перспнемъ обручашися?
 Еще ошроку съ ошрочицею,
 Добру молодцу со дъвицею.

6.

Я брошу подушку черézъ вороша.
 Ты пади, моя подушка, черézъ вороша,
 Чшо черезъ вороша, во высóкíй шерémъ,
 Изъ высока шерема на шесовую кровашъ.
 Да кому на шой подушкъ спашъ, почивашъ?
 Еще ошроку съ ошрочицею,
 Добру молодцу со дъвицею.

ПѢСНИ РАЗНЫЯ СВАДЕБНЫЯ.

1.

Волга рѣка
 Разливается,
 Широка камка
 Разспилается;
 Григорій на конѣ,
 Петровичъ на добромъ,
 Спошѣшается.
 Машрена въ шеремѣ,
 Машвѣвна въ высокомъ,
 Снаряжается.
 Снарядилась,
 Горько плакала,
 Какъ будешь идши
 Во чужіе люди;
 Какъ будешь звашь
 Свекра башюшкомъ.
 Башюшкомъ звашь мнѣ не хочешся,
 Свекромъ звашь такъ не водишся.
 Убавлю я спѣси, гордоспи,
 Прибавлю я ума, разума,
 Буду звашь 2.
 Свекоръ-башюшка.

2.

Какъ во свѣшлой во свѣшлицѣ,
 Во споловой, новой горницѣ, оре-ди-ди.
 За споломъ было дубовымъ.
 Тушъ сидѣла красна дѣвица,
 Свѣшъ Анна Ивановна, оре-ди-ди.

Ко столу припадаетъ,
 Ко ошцу причипаетъ:
 Государь, родной башюшка,
 Свѣшъ Иванъ, сударь, Ивановичъ!
 Ты спиши лице бѣлое
 На столъ бѣлодубовомъ.
 У тебя госпи будунъ,
 У тебя меня сприсяшъ,
 У тебя меня нѣшу.
 Ты на столъ-шо взглянешъ,
 Меня дѣвицу вспоманешъ,
 Свѣшъ Анну Ивановну.

3.

Вокругъ моря, вокругъ синяго,
 Вокругъ синяго моря Хвальнскаго,
 Облегли шуманы, со маревами.
 У души, у красной дѣвицы,
 У Машрены души Дмишревны,
 Вокругъ ея решиваго сердца,
 Облегла шоска со кручиною.
 Государь мой, родной башюшка,
 Свѣшъ Дмишрій Степановичъ!
 Ты возьми саблю острую,
 Ты сними мою бѣлую грудь,
 Посмотри решивое сердце.
 Свѣшъ мое дитяшко любезное,
 Свѣшъ Машрена душа Дмишревна!
 Нечего брать саблю острую,
 Нечего снимать твою бѣлую грудь,
 Нечего смошрѣшь решивое сердце.

Знашь тебя дитяшко
 По бѣлому лицу:
 Бѣлое лицо приусмягнуло,
 Алыя румянцы призакрылися,
 Ясныя очи помушилися,
 Изъ очей слезы капилися.

4.

Ахъ, шы свѣшъ моя, свѣшлая свѣшлица,
 Ахъ, шы свѣшъ-ли моя, споловая горница,
 Во сыромъ-шо бору свѣшлица роняна,
 По тихому Дону свѣшлая плавлена,
 На прекрасномъ мѣстѣ свѣшлица спавлена,
 Косящашыми окошками во зеленый садъ,
 Крушымъ краснымъ крылечкомъ во широкий дворъ.
 Какъ во шой-ли-шо во свѣшлой во свѣшлицѣ,
 Какъ во шой ли во споловой, новой горницѣ,
 Наспавлены сполы-шо все дубовые,
 Разоспавлены скашерши браныя;
 А за шѣмъ ли споломъ бѣлодубовымъ
 Сидѣлъ удалой, добрый молодецъ,
 Какъ по имени Василій сударь Григорьевичъ.
 Онъ игралъ въ гусли звончашыя,
 Онъ наигрывалъ волю, волю башюшкову,
 Онъ наигрывалъ нѣгу, нѣгу машушкину.
 Приходила гусли слушашъ Ольга душа,
 Приходила гусли слушашъ Аѳанасьевна;
 Она слушала гусли, сама вонъ пошла,
 Сама вонъ пошла, горько заплакала.
 Ахъ шы свѣшъ-шо воля, воля башюшкина,
 Ахъ шы свѣшъ-ли нѣга, нѣга машушкина.

Ошсавашь-шо будешь ошъ воли, воли башюшкиной,
 Ошсавашь-шо будешь ошъ нѣги, нѣги машушкиной,
 Привыкашъ-шо будешь ко праву свѣшъ Василя,
 Привыкашъ-шо будешь ко праву свѣшъ Григорьевича.

5.

На морѣ ушка купалася, 2.
 На синемъ сѣрая полоскалася, 2.
 На камушкѣ ушка крылами прясла, 2.
 На бережку ушка сушилася. 2.
 Какъ-шо будешь съ моремъ разсавашися, 2.
 Какъ-шо будешь съ синимъ разсавашися, 2.
 На дворѣ, дворѣ, 2.
 У Софрона свѣша у Никишича 2.
 Горяшъ огни, 2.
 Огни, полыньи, 2.
 На шѣхъ на огняхъ, 2.
 Все кошлы сшояшъ, 2.
 Во шѣхъ во кошлахъ 2.
 Гуси, лебеди кипяшъ; 2.
 На красномъ крыльцѣ 2.
 Барабаны бьюшъ. 2.
 Во шеремъ 2.
 У Насхася души, у Софроновны
 Тепляшся свѣчи 2.
 Воску яраго, 2.
 Молишся Богу 2.
 Свѣшъ Насхася душа,
 Свѣшъ Софроновна:
 Создай мнѣ, Боже,

Свекра ласковаго,
 Свекровь привѣтливую!
 Милаго ладу 2.
 Наипаче того. 2.

6.

Ахъ ты камень, камешекъ,
 Самоцвѣтный, лазоревый!
 Излежался камешекъ,
 На крушой горѣ прошивъ солнышка.
 Я брошу камешекъ,
 Въ огонь, въ полымя:
 Разгорись мой камешекъ,
 Въ огнѣ, въ полымѣ,
 Разсыпся камешекъ,
 На чешыре спороны.
 Распачься дѣвица,
 Распачься красная,
 Парасковья Дмишревна,
 Передъ своимъ башюшкомъ,
 Передъ родимой машушкой:
 Государь мой башюшка,
 Свѣтъ Дмишрій Андреевичъ!
 Государыня машушка,
 Свѣтъ Анися Васильевна!
 У васъ сердце каменное,
 Во булашѣ сковано,
 Во ларцѣ положено,
 Ключи въ морѣ спущены;
 Не всплывашь-то шѣмъ ключамъ

Со дна моря синяго,
 Со дна Хвалынскаго;
 Не бываешь поей жалоси,
 У родимаго башюшки,
 У родимой у мапушки,
 До своего дидяшка,
 До Парасковы Дидипревны.

(Слѣдующія пѣсни поюшся въ дѣвичникѣ).

7.

Какъ у груши зеленыя, *
 Какъ у яблони кудрявыя,
 Много вѣшь шелковаго,
 Много лисья бумажнаго;
 Только нѣшь у этой грушницы
 Золошой одной вершиночки.
 У души, у красной дѣвицы,
 Свѣшь у Ольги Ивановны,
 Много роду, много племени,
 Много брашцевъ, сестрицъ,
 Много дядюшекъ, пешушекъ,
 Только нѣшь у красной дѣвушки
 Родимаго башюшки.
 Разспулись ты машь сыра земля,
 Ты раскройся гробова доска,
 Пробудися мой родной башюшка,
 Свѣшь Иванъ сударь Ивановичъ!

* Пѣсню эту поютъ когда у невѣстны нѣшь опца или матери.

Мнѣ нужно тебя, очень надобно,
Приняшь отъ тебя благословеньице,
Ко суду Божию, ко злашу вѣщу.

8.

Замело-то пушь, дороженьку,
Призапали слѣдки башмачные,
Не бывашь-то мнѣ, не гащивашь
У любезной своей подруженьки,
У Надежды души Васильевны,
Во своей-то дѣвичей красотѣ,
Во своей-то прубчатой косѣ.

9.

Ужъ какъ по морю корабль бѣжитъ,
По синему черенъ бѣжитъ;
По бережку красна дѣвица идешь;
Она вскрикнула, гаркнула,
Своимъ-то зычнымъ голосомъ:
Корабельнички, гребнички,
Вы приспавъше ко бережку,
Вы возьмише грамошку,
Ко моей то родной пешушкѣ,
Свѣтъ Анисѣ душѣ Михайловнѣ
Напишу-то грамошку
Не перомъ, не чернилами,
А своими горючими слезами;
Запечашаю грамошку
Я поскою, кручиною.

*

Ахъ шы пысяцкій воевода, оре-ди-ди. *
 Свѣшъ Парменъ воевода,
 Господинъ воевода, воевода,
 Свѣшъ Кондрашѣвичъ воевода,
 Да шы ѣздилъ въ Угру
 Торговаши, порговаши;
 Да шы бралъ, сударь,
 Не кунами, не кунами,
 И не черными соболями, соболями,
 А шы бралъ, сударь,
 Дѣвицами, дѣвицами,
 Все со русыми со косами, со косами,
 Со дѣвичьими красошами, красошами.

Какъ не ласпочка, не касашочка
 Вкругъ шепла гнѣзда увивалась;
 Она билась, она билась,
 Она бѣлая убивалась.
 Свѣшъ Марья, свѣшъ Петровна,
 Вкругъ высока шерема ходила.
 Ошоприся, ошоприся,
 Мой высокъ, шеремъ ошоприся;
 Ошомкнися, ошомкнися,
 Мой вишой замочекъ, ошомкнися;
 Ошворися, ошворися

* Оре-ди-ди повпоряется послѣ каждого стиха.

Бѣлодубовая дверь, отворися;
 Распахнися, распахнися,
 • Шитой, брамой положекъ, распахнися;
 Разбудися, разбудися,
 Сударь-башюшко, разбудися.
 Мнѣ не годъ-шо, мнѣ не годъ-шо,
 Мнѣ не годъ-шо у тебя годовашн;
 Мнѣ не лѣшо, мнѣ не лѣшо,
 Мнѣ не красное лѣшо госпиши;
 Мнѣ не зиму, мнѣ не зиму,
 Не спуденую зиму зимовашн:
 Одну ночку, одну ночку,
 Одну шемную ночевашн.
 Не знашь ходя, не знашь ходя,
 Не знашь ходя мнѣ ночь проходиши;
 Не знашь сидя, не знашь сидя,
 Не знашь сидя мнѣ ночь просидѣши;
 Не знашь съ башюшкомъ, не знашь съ башюшкомъ,
 Не знашь съ башюшкомъ говориши,
 Не знашь съ машушкой думу думаешь,
 Не знашь съ родимою думу думаешь.

12.

Перепелочка, ласпючка,
 Ты зачѣмъ рано выленяешъ
 Изъ своего гнѣзда шеплаго?
 Ахъ, вы свѣтъ мой малыя ппашечки,
 Ахъ, вы свѣтъ мой носатыя!
 Не сама шо я вылѣшываю
 Изъ своего-шо изъ шеплаго гнѣздышка:

Выбиваешъ меня младъ, ясенъ соколъ,
 Онъ своимъ-шо могучимъ крыломъ.
 Ахъ, шы свѣшъ-шо наша подруженька,
 Ахъ, шы свѣшъ-шо наша голубушка,
 Свѣшъ Марья душа Ивановна.
 Ты къ чему рано за мужъ пошла,
 Ты къ чему рано задумала
 За дороднаго добраго молодца,
 За Василья свѣшъ Васильевича.
 Ахъ, вы свѣшъ мон подруженьки,
 Ахъ, вы свѣшъ мон голубушки!
 Не сама-шо я за мужъ пошла,
 Не сама-шо я задумала;
 Ошдаешъ меня сударь бапюшка,
 Свѣшъ Иванъ сударь Прохоровичъ,
 Съ государыней родной матушкой,
 Свѣшъ Анисейей душой Андреевной:
 Пришакнули имъ весь родъ, племя.

13.

Не соколъ залешаешъ, оре-ди-ди.
 Не крыломъ замешаешъ.
 Свѣшъ Машвѣй заѣзжаешъ,
 Свѣшъ Андреевичъ заѣзжаешъ.
 Душу Дарью залучаешъ,
 Свѣшъ Пешровну залучаешъ;
 А свѣшъ Дарья душа плачешъ,
 Свѣшъ Пешровна душа плачешъ;
 А Машвѣй ее шѣшишъ,
 Свѣшъ Андреевичъ ее шѣшишъ:
 Ты не плачь, душа Дарья,

Ты не плачь душа Пешровна!
 Не въ полонъ я себя беру,
 Не въ полонъ полоню,
 Я беру тебя, Дарьюшка,
 Я беру тебя, Пешровна,
 Я ошъ башюшки къ башюшкѣ,
 Я ошъ машушки къ машушкѣ,
 Я ошъ брашцевъ-шо къ брашцамъ,
 Ошъ сесприцъ-шо къ сесприцамъ,
 Какъ ошвѣшъ шо держишъ Дарья душа,
 Ошвѣчаешъ Пешровна ему:
 Я сама про шо знаю,
 Я сама про шо вѣдаю,
 Чшо ошъ башюшки къ свекору,
 Ошъ родной ошъ машушки къ свекрови,
 Чшо ошъ брашцевъ къ деверьямъ,
 Ошъ сесприцъ къ золовкамъ.
 Мнѣ не на будешъ нѣга,
 Какъ у родимаго башюшки,
 Какъ у родимой у машушки.

14.

(Пѣсни, кошорыя поюшъ въ свадьбу).

Изъ-за лѣса лѣса шемнаго,
 Изъ-за лѣса дремучего,
 Лешишъ сѣадо гусиное,
 А другое лебединое.
 Ошставала лебедь бѣлая,
 Прочъ ошъ сѣада лебединаго;

Приставала лебедушка
 Ко спаду, спаду гусиному.
 Не умѣшь лебедушка
 По гусиному кликаши.
 Ёе спали гуси щипашъ,
 А лебедушка кликаши:
 Не щиплише, гуси сѣрые,
 Не сама я къ вамъ залѣтѣла,
 Занесли меня вѣтры буйные,
 Вѣтры буйные, осенніе.
 Отспавала красная дѣвица,
 Парасковья Спепановна,
 Отъ своихъ шо подруженекъ,
 Приставала Парасковьюшка
 Къ молодымъ-шо молодушкамъ.
 Начали ее бабы журиши.
 Не журише, молодушки!
 Не бранише, голубушки!
 Не сама я къ вамъ заѣхала,
 Завезли меня добрые кони,
 Свѣшъ добрые кони Борисовы,
 Свѣшъ добрые кони Ивановича.

15.

Возлѣтъ, лѣтъ, Волга-рѣка, спущуею!
 Ужъ не долго тебѣ лѣтяши спруею
 Ты пошѣшь, ты пошѣшь,
 Машвѣй, сударь, дочь;
 Ты пошѣшь, ты пошѣшь,
 Сударь Ивановичъ дочь;

Ужъ не долго тебѣ шѣшину;
 Одинъ часъ до суда Божія,
 Одинъ часъ до злата вѣнца.

(Когда благословяшъ невѣсту образомъ овецъ и
 машь, и посадишъ за столъ, поюшъ пѣсню).

16.

Благодарствую, бапюшка,
 Свѣшъ Игнашій Филашовичъ,
 Тебѣ на хлѣбъ, на соли,
 На премногой швоей милости;
 Ты цоилъ, кормилъ, жаловалъ,
 И ни въ чемъ не ошказывалъ.
 Не ошказывай, бапюшка,
 Ошъ своего благословеньца;
 Какъ швое-шо благословеніе,
 Какъ швое-шо великое,
 Изъ шемныхъ лѣсовъ выведешъ,
 Изъ синя моря вынесешъ,
 И ошъ злыхъ людей оборонишъ.

(Когда прїѣдешъ женихъ за невѣстою).

17.

Шло солнце по залѣсью,
 Шла наша Софьюшка по засшолѣю,
 Бросила ключи, 2.
 О дубовый шолъ.

Я тебѣ, башюшка, 2.

Не ключница,

Свѣшъ родной, 2.

Не ларечница.

Ключница я 2.

Свекру башюшкѣ,

Ларечница я 2.

Свекрови машушкѣ.

18.

Среди было двора, оре-ди-ди.

Среди широка,

Свѣшъ Василья,

Свѣшъ Ивановича.

Соѣзжались,

Собирались,

Князья, бояре;

Думали они

Думу крѣпкую:

Какъ идши къ Василью во дворѣ,

Какъ идши свѣшъ къ Ивановичу,

Какъ намъ взяшъ Марью душу,

Какъ намъ взяшъ Васильевну.

Какъ выискался

Удалой, добрый молодецъ,

Свѣшъ Григорій господинъ,

Свѣшъ Андреевичъ.

Во се я пойду,

Во се я возьму,

Свѣшъ Марью душу,

Свѣшъ Васильевну.

Ужъ какъ у броду, броду, оре-ди-ди.

У калиноваго моста.

Тушъ спояли Князья, бояре,

Бояре все Васильевы,

Бояре все Семеновича;

Они просили, молили

У Пешра-свѣша милоспи,

У Ивановича жалоспи.

А свѣшъ Пешръ сударь вышелъ,

Онъ добра коня вывелъ;

Они взяли, поклонилися;

Опошли они похулили:

Еще что это за конь,

Еще что это за добрый?

Нѣшъ сѣдельшка Черкаскаго,

Нѣшъ уздечки шелковой.

Ужъ какъ у брода, брода

У калиноваго моста.

Тушъ спояли Князья, бояре,

Бояре все Васильевы,

Бояре все Семеновича.

Они просили, молили,

Свѣшъ у Марѣ-души милоспи,

Свѣшъ у Ѳедоровны жалоспи.

А свѣшъ Марѣа вышла,

А свѣшъ Ѳедоровна вышла,

Кованой ларецъ вынесла.

Они взяли, поклонилися,

Опошли они, похулили:

Еще что это за ларчикъ,
 Еще что это за кованый?
 Нѣтъ замочка серебряна,
 Нѣту ключика золочена.
 Еще у брода, брода,
 У Калиноваго моста.
 Тушъ спояли Князя, бояре,
 Бояре все Васильевы.
 Бояре все Семеновича.
 Они просили, молили,
 У Федосьи-души милости,
 У Филиппевны жалости. *
 Свѣтъ Федосья душа вышла,
 Свѣтъ Филиппевна вышла,
 Красну дѣвицу вывела.
 Они взяли, поклонились,
 Опошли, похвалили,
 Еще чтожь это за дѣвица,
 Еще чтожь это за красная!
 Чтѣ со русой со косою,
 Чшо со дѣвичей крестою,
 Свѣтъ Марья Пешровна.

20.

(Поюшъ въ день свадьбы).

Ахъ, шы выйди, сударь башюшка,
 Свѣтъ Никиша Васильевичъ,

* Это относится къ свѣтъ невѣстѣ.

За ворошички широкія,
 За вереюшки дубовыя.
 Припади, мой сударь башюшка,
 Ты ко машушкѣ, ко сырой землѣ;
 Ты послушай, мой сударь башюшка,
 Не дрожишъ-ли машь сыра земля?
 Чшо не слышно-ли конскаго попошу,
 Молодецкаго посвисту?
 Чшо не ѣдешъ-ли мой-шо суженый,
 Чшо не ѣдешъ-ли мой-шо ряженый,
 Свѣшъ Гаврила Ивановичъ,
 Со своимъ-ли крупнымъ поѣздомъ,
 Еще тысяцкій со боярами,
 Княжая свацинька съ подсвашьями.

21.

Свѣшъ Агафьюшка
 Со двора съѣзжала, съѣзжала,
 Свѣшъ Павловна со широка съѣзжала,
 Со груши вершиночку сломала:
 Ты живи, сударь башюшка,
 Безъ своей любезной дочери.

22.

Какъ не ласпочка пропу пропила,
 Не касая дорожкой шла, эй, эй.
 Какъ не бѣлый горноспай проскакалъ, эй, эй.
 Проскакали шрон дубовы сани, эй, эй.
 А чешвершья со вырѣзами, эй, эй.
 Какъ во саночкахъ лежаночка споишъ, эй, эй.

Во лежаночкѣ Иванушка лежишъ, эй, эй.
 На гору конь упирается,
 Подъ гору конь разбѣгается, эй, эй.
 Объ калину распибаешь,
 На жалинѣ соловей пшица сидишъ, эй, эй.
 Горьку ягоду калинушку клюешъ,
 Онъ малинушкой прикусываетъ, эй, эй.
 На всѣ спороны поглядываешъ,
 Чшо на всѣ-ли на чешыре спороны, эй, эй.
 Ужь ты пой, воспѣвай соловей,
 При печали ушѣшай молодца, эй, эй.
 При кручинѣ красну дѣвицу душу, эй, эй.
 Соловей во всю ночь просвисшалъ,
 Молодецъ во всю ночь не спалъ,
 Все во золошы цымбалы проигралъ,
 Все душу красву дѣвицу ушѣшалъ.

СЛОВАРЬ

УПОТРЕБЛЯЕМЫХЪ ВЪ СИБИРИ СЛОВЪ И
ВЫРАЖЕНІЙ (ПРОВИНЦІАЛИЗМОВЪ).

Баба, столбъ у колодца.

Байдара, лодка Американцевъ, въ кошорой сидяшъ два
и шри человѣка.

Бахта чаю, фунтъ чаю.

Барловина, осенняя лучшей дикой козы шкура.

Бастрыкъ, рычагъ и толстая палка.

Безмякъ, вѣсъ въ два фунта съ половиною.

Братанъ, двоюродный братъ; шакже называюшъ дво-
юроднаго брата *сроднымъ*.

Буранъ, сильный вѣшеръ съ порывомъ.

Бурдукъ, жидкій, горячій кисель.

Бусъ, мѣлкій дождь.

Варнакъ, преступникъ, наказанный и заклеяменный; но
шакъ называешъ ихъ черный народъ; болѣе называ-
юшъ ихъ *несчастными*.

Ветёрка, вечеринка.

Вожжи, лоцманы или вожашые при опасных мѣстахъ и порогахъ.

Гайно, куча хламу всякаго и шакже гнѣздо бѣлки, гдѣ у нея бываешъ напаскано множесво сору и вѣшвей.

Гайтанъ, шнурокъ шонкій; шакже серебряная плоская цѣпочка, на кошоройносяшъ кресшъ.

Галешникъ, самый мѣлкій булыжникъ.

Гаркать, кликашъ, вскрикивашъ.

Горбуша, коса на подобіе серпа; шолько ручка у нея гораздо больше: аршина въ полшора. Косяшъ горбушей размахивая въ обѣ спороны, и она болѣе въ упошребленіи; но косишъ ею не выгодно, потому что она не можешъ сняшъ шравы близко къ землѣ. Косы, какими въ Россіи косяшъ сѣно, называюшся въ Сибири *литовками*.

Горболысь, бѣлка, когда она линяешъ весною; шогда шерсшъ у нея красноватая. На бѣлкѣ, кошорая еще не совсѣмъ вылиняла, ошашошся красноватыя пашна, и когда попадаюшся шакія шкурки въ продажѣ, ихъ называюшъ *горболысь*.

Голбецъ, подмосшки къ палашамъ въ избахъ. Иногда *голбецъ* бываешъ закрышый со всѣхъ споронъ и съ дверями; въ немъ дѣлаюшъ ходъ въ *подполье*.

Гребеньщицы, женщины, кошорыя нанимаюшся гресши сѣно.

Гребтитъ, сердце вѣщуешъ, беспокоишся.

Гужиръ, солоноватая земля; ее много за Байкаломъ; шамъ кладушъ ее въ щелокъ, когда моютъ бѣлье или полы.

Гуранъ, дикій козелъ.

Грядка, жердочка въ чуланѣ, на которой вѣшаютъ плашье; ее называютъ и *пересовецъ*.

Даха, шуба козья вверхъ шерстью.

Дивно, много, довольно-таки.

Дожа, масперъ своего дѣла.

Доспѣть, сдѣлать.

Дошлый, проидоха, проныра.

Дресва, крупный песокъ.

Дрова кандовыя, лучшія сосновыя и лиственничныя; мѣлкія дрова называются *мендовыми*.

Ереститься, ворчать, браниться пошхоньку.

Еретики, мершвецъ.

Жирники, плошка, налиная саломъ или рыбьимъ жиромъ, для освѣщенія въ избѣ.

Журавецъ, коромысло у колодца.

Завозня, сарай каретный.

Заимка, загородный домъ, или по-Малороссійски хуторъ.

Зикаяться, опречься навсегда.

Запасъ, мука ржаная и пшеничная.

Заплотъ, заборъ кругомъ дома.

Зарѣдъ, скирдъ сѣна.

Затуранъ, мука пшеничная, поджареная въ коровьемъ маслѣ. Ее употребляютъ разводя чаемъ, или кипящею водою, съ прибавкой соли и молока. Эта смѣсь почищается лекаршвенною или очень здоровою.

Зимовье, кухня и людская, отдѣльныя отъ дому, или изба въ отдаленіи отъ всякаго жилья.

Зыбунъ, тряси́на или боло́мо.

Зыбка, колыбель.

Изморозь, гололедица, особливо во время замерзанія Ангары.

Изурочить, сглазись.

Игиги, сапоги не на толстой подошвѣ и безъ подшивки.

Казенка, чуланъ.

Калаузь, кожаный мѣшокъ для дороги.

Камлейки, особенный родъ плащя. Ихъ привозяшъ изъ Америки, Камчацки, Зашиверска и Охотска. Онѣ бываюшъ изъ рыбьихъ или хитовыхъ кишекъ, и расшиты, изукрашены волосами и шонкими ремешками морскаго кошника. Еще бываюшъ камлейки изъ оленьей или лосиной кожи, съ кошпорой снята шерсть и кожа выдѣлана; онѣ немного ниже колѣна, иногда съ капишономъ, кошпорый надѣваюшъ на голову. Ихъ носяшъ почти всѣ живущіе въ тѣхъ мѣстахъ Русскіе промышленники, пошому что онѣ предохраняюшъ отъ вѣтра и сырой погоды.

Канатъся, признавашся, каяшся.

Карбазъ, большой плоскодонный паромъ или барка. Маленькіе карбазы называются щитиками.

Катушка, капальная гора.

Кислица, красная смородина.

Кислы, сѣрая капуста, квашеная съ просѣянной ржаной мукой.

Клюка, кочерга.

Копоть, пыль.

Корга, оплогій берегъ, покрышый мѣлкимъ камешникомъ.

Котицы, загородки изъ колевъ; шакъ ловяшъ омулей въ осеннее время.

Кортюмъ, наемъ дома; нанимающій домъ, *кортюмщикъ*.

Курыи, заливы въ рѣкахъ и озерахъ.

Кутъ, перегородка въ избѣ, гдѣ спряпаюшъ передъ печью; иногда она соспохла изъ какой нибудь занавѣски, повѣщенной на жердочкѣ.

Лабашакъ, родъ азяма или халапа изъ верблюжьей шерсти; получаюшся ошъ Бухарцевъ.

Лагунъ, ушашъ съ двумя днами и гвоздемъ; въ нихъ держашъ квасъ и пиво.

Ладно, хорошо.

Латка, глиняная глубокая сковорода.

Ложкомойка, небольшая кадочка, въ кошорой моюшъ посуду.

Макса, пошрохъ налива.

Марево, шуманъ.

Межеумокъ, узкій шопоръ.

Мизгиръ, паукъ.

Молосное, скоромная пища.

Мореставъ, время замерзанія Байкала.

Мытница, женщина, кошорая моешъ полы.

Мутникъ, пирогъ изъ ржаного шѣста, внушри посыпанный солью.

Мпдльникъ, большой мѣдный горшекъ.

Мягкія, вообще пшеничные пироги, булки и *шанъги*.

Набирка, бурачекъ, особенно для ягодъ.

Наледъ, вода сверху льда.

Наливашники, пирожки съ вареньемъ; *наливашники* маленькіе, бисквиты съ вареньемъ.

Наконетники, пришитые къ полошнцу, кружевные или вышитые концы.

Налистники, лепешки изъ жидкаго шѣса, замѣшанные на простоквашѣ и сверху со смешаной. Ихъ пекутъ на капустныхъ листьяхъ.

На прокъ, на будущій годъ.

Нельма, бѣлорыбца.

Нерпы, тюлени; они естъ въ Байкалѣ. Между промышленниками естъ повѣрье, что когда поймають нерпу, то она плачешъ, и потому въ Иркутскѣ говорятъ: плачешъ, какъ нерпа.

Оболокаться, одѣваться.

Озойной, огромный, большой.

Огоньки, боа изъ собольихъ хвостовъ.

Опришникъ, опчужденный (опричникъ).

Опружился, оспунился, упалъ въ яму или въ воду.

Ошейникъ, галсхухъ изъ бѣличьихъ хвостовъ.

Падъ, узкая долина между двухъ горъ.

Палы, пожары лѣсные. Когда горитъ лѣсъ, то говорятъ: *палы ходятъ*.

Парка, одежда жителей Якутска, Охотска и Камчатки, изъ разныхъ звѣриныхъ шкуръ, бобровъ, кошиковъ, куницъ, пыжиковъ, формою похожая на *каMLEйку*, шерстью внизъ, а сверху окрашенная особенно красною краскою и обшитая бобромъ или кошикомъ.

Пельмени, то-же, что въ Россіи называютъ ушки. Ихъ дѣлають изъ макароннаго тѣста, съ рубленой говядиной, также съ рыбой, съ грибами, замораживають, и они превращаются въ камешки. Въ шакомъ видѣ берутъ ихъ въ дорогу (въ Сибири не бываешь опшепелей), и спѣишь опусишь пельмени въ кипящую воду, кушанье гошова, и очень вкусное.

Перстянки, перчатки.

Пестерь, большое лукошко, сплешеное изъ шовкихъ драничекъ или прутьевъ.

Пилы, обшитые кожей войлочные копы, или валенки.

Поваренка, уполовникъ, или чумичка.

Подполье, сухой погребъ подъ жильемъ.

Подживотникъ, шесъма въ палецъ и въ два шириною.

Подпльть, кухни, если она подъ жилыми комнашами.

Подпаль, молодая, не дорослая бѣлка; шкура у ней черная.

Подростокъ, дѣвочка или мальчикъ отъ 10 до 15 лѣтъ.

Подорожники, разные припасы на дорогу, крендели, булки.

Пожалкать, немного посширашь бѣлья.

Полазъ, длинный коверъ.

Полубогъ, бочка или боченокъ, перепиленный на двое; обѣ половины называются полубочьями.

Помогъ, работа общими силами нарочно приглашенныхъ, которыхъ послѣ этого угощаютъ.

Портище; прежде такъ называлась кишайка, извѣстная бумажная маперія, получаемая отъ Кишайцевъ; она свершывалась въ шрубки и называлась *портище*.

Порча, сглазь. *Порчею* называетъ проспой народъ всѣ непонятныя для него болѣзни.

Поскотина, огорожа для скоша подлѣ деревень.

Прикопотки, шерстяные носки.

Пропарина, полынья.

Прорва, узкое мѣсто на рѣкахъ, гдѣ можно проходитьъ судамъ.

Протока, проливъ рѣки.

Прошка, нюхальный шабакъ. Говорящъ: «Онъ *пъетъ* прошку, или *ширкаетъ*,» шо ешь нюхаешь шабакъ. Въ Охотскѣ, Якутскѣ, Камчатскѣ, Туземцы и даже Русскіе кладутъ въ рошъ листьѣя шабаку, и держашъ покуда высосутъ весь сокъ. Это называютъ *лемешиною*, и говорящъ: «Онъ кладешъ лемешину за губу.»

Пурга, вьюга или метель.

Ровдуга, выдѣланная кожа оленя или лося.

Рѣкоставъ, время замерзанія рѣки.

Сахарники, бисквиты разныхъ видовъ.

Сестреницы, двоюродныя сесшры.

Смолость, коровье вымя.

Сношенницы, жены двухъ брашьевъ родныхъ или двоюродныхъ.

Сокуй, ледяныя горы, кошорыя набиваетъ на берега Байкала осенью.

Соръ или *сѳры*, мѣста, гдѣ расшешъ, болѣе въ заливахъ Байкала, права и шросшникъ.

Сохатый, лось дикій.

Станокъ, почшоваѣ спанція.

Страда, жашва и время жащвы.

Срочный, рабочий, нанятый на срокъ.

Струганина, мерзлая рыба, наспроганная ножемъ.

Это любимое кушанье жителей Якушка, Охотска и Камчатки.

Стружекъ, легкая съ острыми концами лодка, не поднимающая болѣе шрехъ челоуѣкъ.

Стряпка, кухарка.

Судомойка, мочалка.

Сулой, сырой кисель.

Смятко-дитяtko! Употребишельное ласковое слово спарушекъ съ дѣтьми.

Таросья, большія льдины при замерзаніи Ангары. По нимъ спарики угадываютъ, плодородный-ли будешь годъ: если много *таросьевъ*, то много будешь хлѣба.

Толкунцы, шпоры на Байкалѣ.

Трапезникъ, спорожъ и прислужникъ церковный. По Воскресеньямъ онъ ходишь въ дома прихожанъ, съ кузовомъ за плечами, говоря: «Трапезнику *мяконъ-каго*» (пшеничнаго). Въ Воскресенье почти вездѣ пекутъ булки и пироги, и въ каждомъ домѣ даюшь ему пирогъ или булку.

Тулуны, мѣшокъ кожаный изъ выдѣланной кожи.

Турсукъ, кузовъ изъ бересты; въ нихъ привозятъ ягоды, особенно бруснику съ Лены.

Уловы, глубокія ямы въ рѣкахъ, гдѣ вода вершился какъ въ воронкѣ.

Унты, сапоги изъ *барловины*, шерстью внизъ, безъ поднаряду; для крѣпкости ихъ обшиваютъ внизу кожей.

Уросить, говоряшъ, когда ребенокъ упрямился; шо-же и о лошади, когда она ршачилса.

Усолъе, соляной заводъ, соловарня.

Ушканъ, заяцъ.

Хворосты, родъ пирожного. Ихъ дѣлають о масляницѣ, изъ крупичатой муки и свѣжихъ яицъ; рассучивши понко шѣсто, вырѣзываютъ рѣзцомъ разныя фигуры и жарятъ въ маслѣ.

Хлебальникъ, большой пирогъ изъ сдобнаго шѣста, съ рубленой морковью или капустой и рублеными яцами. Пирогъ съ рубленой говядиной называютъ *росольникъ*.

Хрушко, что нибудь крупно истолченное.

Цыбикъ, ящикъ или *мѣсто* чаю байхового или кирпичнаго.

Цѣпля, бадья у колодца.

Чалпанъ, кожаный мѣшокъ, въ который Буряты наливаютъ масло.

Чарки, кожаные кошы, обувь чернаго народа.

Чебакъ, теплая шапка съ ушами; иногда бываетъ у нея назади лоскутъ, уши поднимаются къ верху и завязываются лентой; но тогда эту шапку называютъ *малахай*.

Чегъ, говоряшъ дѣшамъ, когда показываютъ какую игрушку.

Шанъга, толстая лепешка, помазаная сверху шворомъ или смеланой.

Шестокъ, мѣсто подъ лавкою, гдѣ зимою держатъ куръ, загороженное рѣшешкою.

Шиверы, подводные камни или косы, кошорые почти
выказываются изъ воды.

Ширитъ, зашивашъ въ кожи шовары, ошправляемые
въ дальнюю дорогу. Въ Иркутскѣ и Кяхтѣ есть
на это особенные мастера; ихъ называютъ *ширилъ-*
щики.

Шуга, тѣлкій ледъ по рѣкѣ.

Щеки, каменные горы по обѣимъ сторонамъ рѣки
или дороги.

Щепетко, хорошо.

Эка втора! междометіе, ~~выражающее~~ сожалѣніе или
удивленіе.

Ядрёный, здоровый, крѣпкій.

Яманъ, козёлъ.

Ямануха, коза.

Еще не такъ давно въ Иркутскѣ угощенія совершенно напоминали старую Русь. Для званыхъ обѣдовъ гошвили множество кушаньевъ, блюдъ 30 и болѣе. На сполѣ сѣпали пиво, квасъ, медъ, вино; наливки обносили послѣ. Порядокъ блюдъ былъ слѣдующій: сначала подавали холодныя, пошомъ супъ и щи, за шѣмъ соусы, жаркое и пирожное. Сполѣ ушавляли холодными блюдами и пирожнымъ. Чаши съ супомъ и щами подавали на сполѣ, и кшо нибудь изъ знакомыхъ разливалъ. Холодныя, кошорыя сѣпали на сполѣ: окорокъ вешчины цѣлый; кось у него обвиса мѣлко выприженною бумагою и завязана ленточкою; окорокъ свѣжей свинины или бужанины, убранный шакимъ-же образомъ; поросенокъ, обсыпанный яцами; курицы, шо-же обсыпанныя яцами; гуси, обложенные солеными огурцами и обсыпанные зеленью; ушки, убранныя шакимъ-же образомъ. Дичина, шешерки, глу-

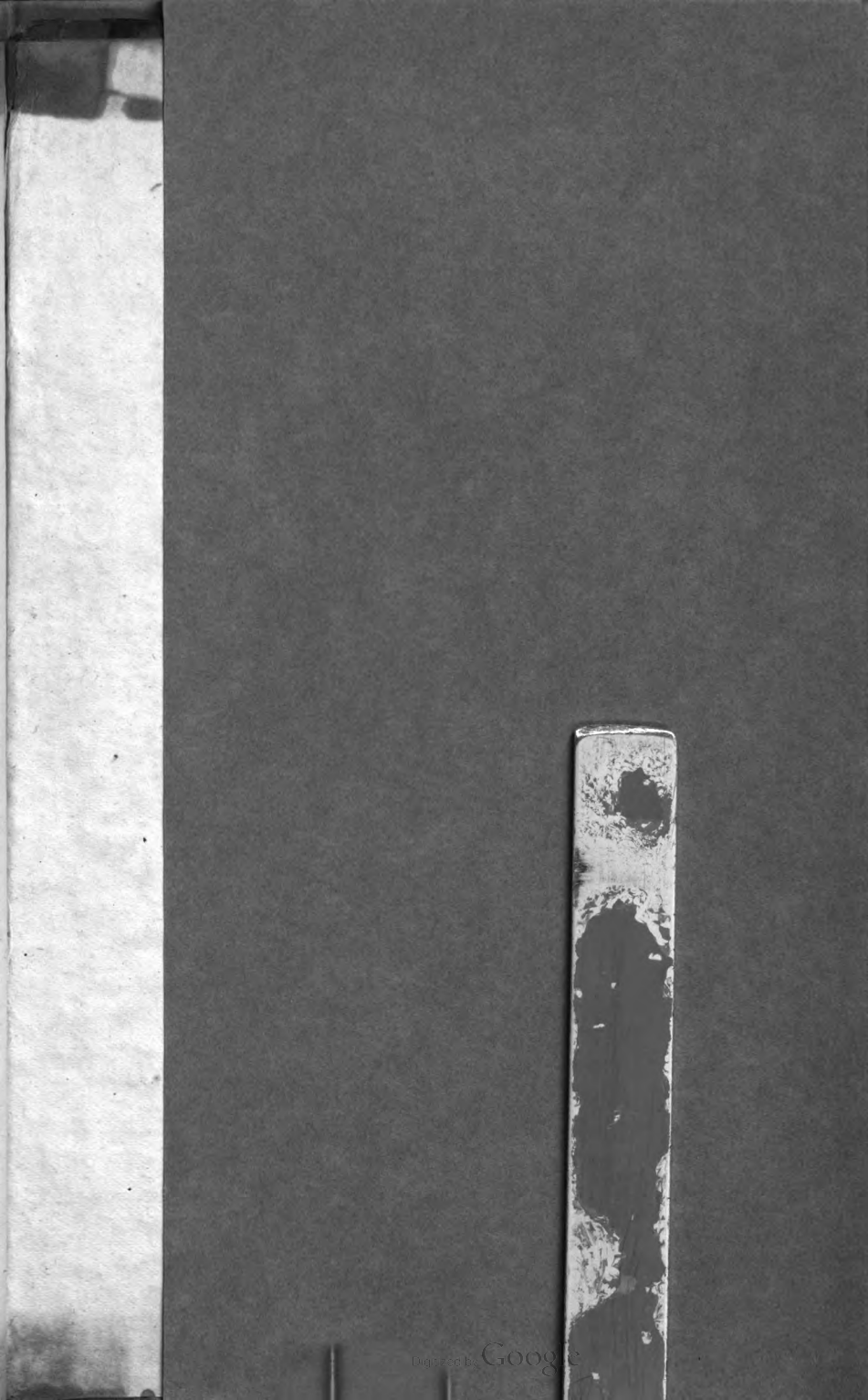
хіе шеперевы, обложенные лимонами. Къ холоднымъ блюдамъ подавали лимонный сокъ, уксусъ и горчицу. Къ супу и щамъ подавали пирожки, болѣе жареные въ маслѣ; ихъ называли *спускными*. Соусы подавали сначала кислые, пошомъ сладкіе: съ говядиной, въ видѣ небольшихъ круглыхъ коплешъ, съ лукомъ красный; съ почками шо-же красный, кислый; съ курицей бѣлый соусъ. Соусы съ гусемъ, ушками и языкомъ дѣлались красные, сладкіе, съ изюмомъ, чернослибомъ и миндалемъ; соусы съ дичиной кислые, красные; па-спешъ слоеный. Пшениникъ, въ соусникъ запеченный, съ яицами и сахаромъ. Жаркія встѣхъ родовъ подавались каждое розно. Къ жаркому огурцы соленые, огурчики въ шыквѣ, грузди и рыжики соленые, капуста свѣжая шинкованная, лѣшомъ зеленый салатъ, арбузы и дыни соленые. Пирожныя: пирогъ сладкій, слоеный; шоршы разными манерами, слоенныя: ихъ называли *тѣрки*; вафли, кольца, кудри, спружки, шрубочки, розочки, наливашники двухъ соршовъ; бисквиты; большой бисквитъ, испеченный въ кастрюлѣ; миндальное разное, въ формахъ печеное, крещуками, съ вареньемъ; желе и бланманже.

Въ посшы также гошовили много кушаньевъ: разная рыба, холодныя, жаркія; въ соусахъ порядокъ соблюдали шошъ-же, лишь съ шѣмъ различіемъ, что напередъ подавалась икра осешровая, пошомъ кулебяка пребольшая, иногда въ аршинѣ, съ осетриною, подсыпанною вязигою. Еще въ числѣ жаркихъ одно составлялось изъ рыбы. Тѣло рыбы шолкли въ шѣсто, средину начинивали вязигой съ фаршемъ и жарили въ

маслѣ. Это блюдо называлось *кругое тѣльное*, и чѣмъ больше кулебяка и тѣльное, тѣмъ лучше. Пирожныхъ дѣлалось также множество.

К О Н Е Ц Ъ

0, 1
ПН-

Sm 13077

3186251572